

Алексей Пшенов

Покрывало Изиды

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Пшенов
Покрывало Изиды

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Пшенов А. В.

Покрывало Изиды / А. В. Пшенов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Проживающий в Лондоне опальный олигарх Маевский, окончательно разорившись, решает поправить своё финансовое положение, написав откровенные мемуары о криминальном становлении российской экономической и политической элиты в девяностые годы. Окончив свои скандальные разоблачения, Маевский скоропостижно умирает от сердечного приступа, а его "взрывоопасные" воспоминания бесследно исчезают. К поискам пропавшей рукописи приступают российские и британские спецслужбы. Содержит нецензурную брань.

Алексей Пшенов

Покрывало Изида

*Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
А. Кушнер.
Что было, то и будет;
И что делалось, то и будет делаться,
И нет ничего нового под солнцем.
Экклезиаст.*

Глава 1. Колониальный завтрак.

Андрей Осокин проснулся как обычно в восемь часов утра и, подойдя к окну, привычным движением поднял плотную “римскую” штору. Из-за дымчатого утреннего тумана можно было разглядеть только тщательно подстриженный газон и живую изгородь, а соседние дома и противоположная сторона улицы терялись в густой белёсой пелене. Но Осокин не сомневался, что там, на скрытой плотным апрельским туманом общественной парковке, как обычно стоит чёрный, синий, а, может, зелёный микроавтобус или автофургон. Такие неброские машины наружного наблюдения круглосуточно колесят по всем городам земного шара. Эти “перископы”, напичканные самой современной оптикой, акустикой и электроникой, незаметно, но беззастенчиво вторгаются в личную жизнь любого человека, заподозренного в шпионаже, терроризме или серьёзном криминале. Осокин заметил первый “перископ” ещё десять дней назад, когда поехал в аэропорт, встретить свою дочь Катю. Именно тогда он впервые обратил внимание сначала на тёмно-синий микроавтобус “Форд-Транзит”, следовавший за ним из Мэтфилда в Хитроу, а потом на зелёный “Фиат-Дукатто”, сопровождавший его по дороге обратно – от аэропорта до дома. В Мэтфилде “Фиат” сменил чёрный “Ситроен”, простоявший на общественной парковке всю ночь, а утром появился серый “Фольксваген”. С тех пор демонстративное наблюдение не прекращалась ни на минуту – менялись только автофургоны и номера на них. Когда Осокин выходил один или вместе с дочерью на пешую прогулку за ним непременно следовали агенты наружного наблюдения. В общей сложности их было восемь человек, и он мог узнать всех по походке и осанке, во что бы они ни оделись и как бы умело ни загримировались. Осокин недоумевал: неужели в Ми5 не понимают, что профессиональный разведчик элементарно обнаружит такую откровенную слежку? Вероятно, его таким незатейливым образом пытаются вывести из равновесия. Надеются, что почувствовав себя под колпаком, он запаникует и совершит какой-нибудь глупый необдуманный поступок. Ну, этого контрразведчики не дождутся – свою основную миссию Осокин уже завершил и теперь мог запросто всю оставшуюся жизнь провести под самым пристальным наблюдением.

Утренний туман немного рассеялся, и на автопарковке проявились размытые очертания тёмно-синего микроавтобуса. Осокин мысленно пожелал невидимым соглядатаям доброго утра и, расхлябанно шаркая старыми тапочками, направился в ванную. Приняв душ и побрившись, он спустился в кухню, заварил чашку растворимого кофе и, взяв лежавшую на столе фотокамеру своей дочери, стал в очередной раз рассматривать снимки, сделанные ею в Москве и Мэтфилде. На московских фотографиях была сама Катя, в одиночку и со своим бойфрендом Тёмой, её чёрный лабрадор Пират и могила умершей три года назад матери. Трижды перекрестившись на надгробие жены, с которой прожил в официальном браке больше тридцати лет, Осокин перешёл к фотографиям, сделанным в течение последней недели. На них были местные достопримечательности: Музей Востока, Ост-Индский колледж, Собор Андрея Пер-

возванного и ресторан индийской кулинарии “Орисса”. Увлёкшись просмотром, он не услышал, как в кухню вошла Катя. Подойдя к сидящему за столом отцу, она положила руки ему на плечи и бодро поприветствовала:

–Доброе утро!

От неожиданности Осокин вздрогнул, будто его укололи булавкой, и машинально ответил:

–Доброе утро!

–Ты стал какой-то пугливый!– задорно рассмеялась Катя.– Совсем не как настоящий разведчик!

–Старею,– философски-грустно отозвался Осокин.– К тому же я давно не разведчик, а так... пенсионер.

–Не прибедряйся – твоей форме ещё многие молодые позавидуют! Что сегодня будем делать?

–Не знаю. Решай сама...

–Поехали ещё раз в Лондон, в Британский музей,– заискивающе улыбнувшись, предложила дочь.

–В Лондон, так в Лондон,– безразлично согласился отец.– Только поедем на поезде, а то на машине слишком дорого парковаться...

–А вот это слова настоящего пенсионера!– поддела его Катя.– До сих пор я думала, что это только в России старики такие скарёдные и на всём экономят!

–Старики везде экономят,– невесело констатировал Осокин.– Давай, собирайся! А я пока приготовлю завтрак.

–Опять яичницу с беконом или гречку с сосисками?

–Могу предложить здоровую пищу: мюсли или овсянку.

–Не хочу,– недовольно надула губы Катя.

–А что ты хочешь?

–“Колониальный” завтрак в “Ориссе”! Мы там не были уже три дня!– по-детски капризно заявила дочь.– Если ты жмотишься – то я оплачу счёт сама!

–Я тоже пока не нищий,– досадливо проворчал отец, которому под наблюдением наружки совсем не хотелось лишний раз идти в этот индийский ресторан.– Собирайся!

–Выше голову, папаша!– иронично подбодрила его Катя.– Жизнь прекрасна и удивительна!

–Насчёт удивительна – это точно. А насчёт прекрасна – это с какой стороны посмотреть,– так же иронично согласился Осокин.

Катя собиралась больше часа: принимала душ, красилась, одевалась. Всё это время отец не поторапливал её вслух, но весьма выразительно посматривал на настенный хронометр. Наконец, в одиннадцатом часу утра он вызвал такси и вышел вместе с дочерью из дома. Захлопнув входную дверь, он надавил на ручку автоматического замка и настороженно замер. Ручка была какая-то подозрительно липкая. Осокин вспомнил, что вчера вечером по дороге домой они купили в ближайшем магазине мороженое и по московской привычке, несмотря на зябкую весеннюю сырость, начали есть его прямо на улице. Открывая входную дверь, они могли нечаянно испачкать ручку недоеденным десертом. Это успокоило Осокина, и он отёр ладонь о ладонь.

–Ну, ты чего тормозишь?– капризно протянула Катя и, ухватив отца за руку, словно ребёнка, повела его к остановившемуся напротив дома такси.

Стоявший на парковке тёмно-синий микроавтобус включил ближний свет и медленно тронулся с места.

Индийский ресторан “Орисса” был открыт ещё в середине девятнадцатого века выходцами из одноимённого штата, приехавшими в Англию вместе с отставными колониальными

чиновниками и военными. Первоначально привыкшие к туземной кухне отставники были единственными посетителями этого диковинного заведения. Однако необычный и возбуждающий аромат масалы и кофе по-индийски очень быстро привлек к себе внимание коренных обитателей Мэтфилда, и многие стали приходить по утрам за чашечкой бодрящего экзотического напитка. Вслед за напитками местные жители по достоинству оценили индийскую кухню: всевозможные чатни, карри, дал, масала и пури. И в шутку переименовали выражение континентальный завтрак в колониальный. Со временем ресторан “Орисса” стал такой же знаковой достопримечательностью Мэтфилда как Ост-Индский колледж, Музей Востока и Собор Андрея Первозванного.

В будний день в столь ранний час посетителей в ресторане почти не было, и Осокины выбрали себе очень комфортное место у окна с видом на Андреевскую площадь. Катя, следила за своей фигурой и по утрам предпочитала так называемый континентальный завтрак из какой-нибудь лёгкой низкокалорийной закуски. Однако, попадая в “Ориссу”, она, забыв о своей диете, не могла удержаться от соблазна и заказывала сразу несколько местных блюд, в шутку называя такой завтрак колониальным. Впрочем, индийская кухня была в основном вегетарианская, и не могла нанести особого вреда её фигуре. На этот раз Катя заказала две чашки кофе со специями и целых пять овощных закусок с условием, что отец поможет их доест. Тот покорно согласился и, заказав себе Чикен Масала с кружкой пива, неторопливо и пристально осматрелся. Агенты наружного наблюдения – мужчина и женщина средних лет – уже сидели за столиком в дальнем углу, из которого прекрасно просматривался весь зал. Осокин не раз видел эту пару и вместе и порознь, в самой разной одежде и гриме. Ещё в восьмидесятые годы в советской разведшколе он научился различать людей не только по лицам, но и по личным неизменным приметам – росту, комплекции, осанке, походке и манерам. В Афганистане Осокин таким образом безошибочно вычислял душманов, переодетых в глухие женские никабы. Его зрение уже тогда превратилось в невероятно чувствительный сканер, и распознать переодетых и загримированных, но уже однажды увиденных филеров для Осокина не составляло особого труда. И всё же на этот раз разведчику впервые хотелось, чтобы его глаза ошиблись, и мужчина с женщиной, сидевшие за столиком в дальнем углу, оказались не агентами Ми-5, а самой обычной супружеской парой.

Еда под пристальным наблюдением контрразведчиков не доставляла Осокину никакого удовольствия – он вяло ковырялся в засыпанной специями курице и почти не притронулся к своему пиву. Зато Катя пребывала в прекрасном настроении и завтракала с отменным аппетитом. При этом она периодически щёлкала фотоаппаратом, снимая экзотическую еду, и предлагала отцу то одно, то другое заказанное ей блюдо.

– Попробуй вот это! Невероятно вкусно!

– Не хочу. Я всё это уже сто раз пробовал... – вяло отнекивался Осокин.

– Тогда помоги мне доесть! – энергично настаивала дочь, подвигая к нему то чатни, то карри, то тандури.

К полудню с “колониальным” завтраком было покончено, и Осокины поднялись из-за стола. Катя прошла в дамскую комнату, а её отец сразу направился на улицу. В дверях он лоб в лоб столкнулся с двумя крепкими молодыми мужчинами, обдавшими его едкой смесью перегара и цитрусового одеколona.

– Sorry, – вежливо извинился один из них и тут же по-русски грубо добавил. – Ты чё, старый козёл, не видишь куда прёшь?

Осокин с трудом удержался от того, чтобы окоротить наглеца и, подвинувшись в сторону, пропустил нетрезвых русских гостей внутрь ресторана.

– Thank you, – уже без всяких оскорбительных реприз поблагодарил его второй мужчина.

Осокин молча кивнул головой и, наконец, вышел на улицу. Тёмно-синий микроавтобус стоял на другом краю площади, там, где начиналась Мэйн-Стрит – улица, ведущая от Андреевской площади к вокзалу.

“К чему нужна такая архаика в двадцать первом веке?” – глядя на “перископ”, недоумённо подумал отставной разведчик, – “Вживили бы в меня какой-нибудь чип и следили дистанционно без всяких проблем”.

Ехать в Лондон ему совершенно не хотелось, к тому же плотный “колониальный” завтрак наваял на Осокина какую-то нездоровую дремоту.

– Ты сколько раз была в Британском музее? Пять? – с откровенным намёком спросил он у вышедшей из ресторана дочери.

– Шесть, – уточнила Катя и тут же пресекла попытку отца отложить поездку. – В Британский музей как в Лувр и Эрмитаж можно ходить каждый месяц. Мы едем в Лондон – и никаких возражений!

Осокин и не пытался возражать. Взяв дочь под руку, он на неожиданно ослабших ногах покорно поплёлся к вокзалу. На полпути возле сквера с бюстом какого-то почтенного джентльмена, Осокин почувствовал головокружение и утомлённо предложил:

– Давай посидим на скамеечке...

– Давай, – так же утомлённо-вяло согласилась Катя. – С тобой всё в порядке?

– Вроде бы... – неопределённо отозвался отец.

Осокины свернули в сквер и буквально рухнули на ближайшую скамейку. Дочь, испытывая мелкую сердечную дрожь, прижалась к отцу, закрыла глаза и положила голову ему на плечо. Тот, чувствуя такой же странный внутренний озноб, тоже сомкнул веки и обессиленно свесил голову на грудь.

Слушавший Осокиных из тёмно-синего фургона майор Самуил Престон с нескрываемым раздражением наблюдал за прохожими, не обращавшими никакого внимания на неожиданно отключившихся подопечных. Конечно, если бы они упали где-нибудь на уличном тротуаре или железнодорожной платформе, то равнодушные граждане попытались бы сразу оказать им какую-нибудь помощь и непременно вызвали неотложку. Но на скамейке в тихом сквере отец и дочь, несмотря на разницу в возрасте, были похожи на любовников, присевших отдохнуть после бурной бессонной ночи. Медлить было нельзя. Кляня безразличных местных обывателей, Престон вышел из микроавтобуса и торопливо направился к Осокиным, на ходу набирая номер 999.

– Вас слушает скорая медицинская помощь города Мэтфилда, – раздался в трубке хорошо поставленный женский голос. – Какая у вас проблема?

Никогда не болевший и не вызывавший неотложку Престон растерялся и невнятно промямлил:

– Здесь мужчине и женщине стало плохо – они потеряли сознание. Им срочно нужна медицинская помощь.

– Где вы находитесь?

Прибывший из Лондона майор плохо ориентировался в Мэтфилде и растерялся ещё больше. Вместо того, чтобы открыть карту в своём смартфоне, он, призывно махнув рукой, позвал на помощь оставшегося в машине местного сержанта.

– Где вы находитесь? Не прерывайте связь! – настойчиво повторила диспетчер.

Престон растерянно завертел головой.

– В каком-то сквере недалеко от вокзала. Здесь ещё чей-то бюст.

– Сквер Гилберта Честертона на Мэйн Стрит?

– Это Мэйн Стрит? – уточнил майор у неторопливо подошедшего сержанта.

Тот утвердительно кивнул головой.

– Так точно! – по-военному чётко ответил взявший себя в руки Престон.

–Я вас поняла. Сколько людей нуждаются в помощи?– деловито продолжила диспетчер.

–Двое.

–Пострадавшие находятся на улице?

–Да, на скамейке.

–Их возраст и пол?

–Мужчина около шестидесяти лет, а женщина около тридцати.

–Они в сознании или нет?

–Я же сразу сказал: нет!– раздражённо бросил в трубку майор.

–У них прощупывается пульс?– невозмутимо продолжила диспетчер.

–Не знаю... наверное...– снова растерялся Престон.

Он взял Осокина за стремительно коченеющее запястье, но никакого биения не почувствовал.

–Пострадавшие дышат?– не унималась женщина.

–Вроде ещё дышат! Но если вы немедленно не вышлите машину, то они очень быстро перестанут это делать!– взорвался майор.

–Машина уже выехала,– успокоила его диспетчер и в свою очередь предложила.– Проверьте, нет ли у пострадавших ран и кровотечений.

–Нет у них ни ран, ни кровотечений! Скорее всего, они отравлены!

–Почему вы решили, что пострадавшие отравлены? Их вырвало? У них изменились кожные покровы? Выступила пена на губах?

–Да идите вы к чёрту! Какая разница отравлены пострадавшие или застрелены? Им срочно нужна помощь! Где ваша машина!?

–Представьтесь, пожалуйста. Как вас зовут?– не унималась дотошная диспетчер.

Престон хотел сгоряча козырнуть своей должностью и званием, но тут кто-то властно ухватил его за руку и отвёл телефон от уха. Майор разгневанно обернулся – сзади него стоял рослый широкоплечий мужчина с высоким лбом и узким интеллигентным подбородком. Незнакомец, как и Престон, был одет в цивильный костюм, но майор не раз видел его в Темза-Хаус (*штаб-квартира Ми5*), хотя никогда не пересекался по службе и понятия не имел, кто он и в каком отделе работает. Этот офицер был, несомненно, выше его по званию, и майор автоматически отключил смартфон и едва не вытянул руки по швам.

–Вас, зачем сюда прислали из Лондона?– не представившись, спросил контрразведчик.

–Осуществлять техническую поддержку наружного наблюдения,– чётко отрапортовал Престон.

–Вот и осуществляйте техническую поддержку,– холодно приказал незнакомец и глазами указал на тёмно-синий микроавтобус.

–Но ведь им плохо!– заупрямился майор и в свою очередь указал на сидящих на лавочке Осокиных.

–Я вам приказываю: вернитесь на своё рабочее место!

–Слушаюсь!

Майор вместе с сержантом вернулись к машине и снова заняли свои места: один за рулём; другой в салоне, уставленном всевозможной аудио и видеоаппаратурой. Когда Престон вновь посмотрел на Осокиных, высокого контрразведчика уже нигде не было видно, а к скверу подъехал канареечно-пёстрый фургон скорой помощи

Глава 2. Руссо туристо.

Сергей Коновалов достал из минибара бутылочку шотландского виски и неуверенно-сонной походкой направился в ванную комнату. Критически осмотрев в зеркале своё помятое лицо, он умылся ледяной водой, пригладил рукой взъерошенные волосы и вместо того чтобы почистить зубы прополоскал рот напитком семилетней выдержки.

–Руссо туристо, облик морале!– устало усмехнулся заглянувший в ванную такой же измочаленный Марат Баишев.

–Yes, yes!– кивнул головой Сергей, уступая напарнику место у раковины.– Умывайся!

–Я, пожалуй, приму душ.– вежливо отказался от его предложения Марат.

–Разве ты не знаешь, что русские не моются по будням? В цивилизованном мире многие считают, что мы, как сто лет назад, один раз в неделю ходим по субботам в баню. Нужно поддерживать репутацию.– ёрнически заметил Коновалов.

–А я только наполовину русский. А наполовину татарин.– самоиронично парировал Баишев.

–Тогда тебе можно...– шутливо махнул рукой Сергей и вышел из ванной комнаты.

В гостиничном номере после вчерашних увеселений царил абсолютный бедлам. Пустые бутылки, стаканы, грязные тарелки, салфетки и объедки были разбросаны повсюду: на столе, на тумбочках, на полу и даже на измято-разворошенной двуспальной кровати, под которой валялась пара использованных презервативов. Коновалов, не обращая ни малейшего внимания на этот разгром, плюхнулся в глубокое кожаное кресло и, включив телевизор, стал бессмысленно переключать канал за каналом. Когда он, наконец, остановился на каком-то музыкальном клипе, из ванной упругой походкой вышел освежённо-бодрый Баишев.

–Может, немного приберёмся?– без особого энтузиазма предложил он.

–Не порть нашу репутацию – пусть убирается горничная. Мы ей оставляем хорошие чаевые.– лениво отмахнулся Коновалов.– По легенде мы с тобой типичные русские свиньи. Наворовали денег и приехали прогуливать их в Лондоне.

–Свиньи не ходят по музеям.– резонно возразил Баишев.– Тем более три дня подряд.

–Русские свиньи ходят. Потому что у них загадочная русская душа...

–А у русских свиней даже душа имеется?

–Ещё какая – щедрая и необъятная, как их родина!– цинично рассмеялся Коновалов, засовывая в карман новую бутылочку виски.– Собирайся! И прополощи рот каким-нибудь бухлом, а то как-то подозрительно трезво выглядишь...

Через двадцать минут псевдотуристы вышли из гостиницы, а ещё через час высадились из пригородного поезда на вокзале города Мэтфилда.

Город был знаменит своим колледжем и музеем. В середине восемнадцатого века стремительно растущая Британская Ост-Индская компания получила королевский патент на создание собственного учебного заведения. Мэтфилд, находящийся тогда в сорока милях от Лондона, был известен давними богословскими традициями Собора Андрея Первозванного, но городскому руководству было не чуждо и светское образование. Именно там богатейшая британская компания приобрела средневековый полуразрушенный замок и превратила его в колледж, мало чем уступавший престижному Итону. Но в отличие от этлгл рафинированного аристократического заведения в Мэтфилд принимали юношей из небогатых семей, решивших связать свою жизнь и карьеру с постоянно расширяющимися Юго-Восточными колониями. Им преподавали управление, экономику, востоковедение, военное и морское дело. Благодаря грамотно построенному обучению через шесть лет из колледжа выходили молодые специалисты, вполне способные руководить небольшим туземным княжеством. Многие выпускники, проработавшие на Ост-Индскую компанию всю свою сознательную жизнь, выйдя в отставку, возвращались именно в Мэтфилд. Привыкшие к восточному менталитету они держались друг друга и своей альма матер и образовали, как сами шутили, особую индо-британскую касту. Регулярно навещая родной колледж, эти отставные чиновники поддерживали в нём то, что теперь в одних учебных заведениях называют корпоративным духом, а в других патриотическим воспитанием. В начале девятнадцатого века достопочтенные отставники обратились к руководству Ост-Индской компании с предложением открыть при Мэтфилдском колледже Музей Востока.

Компания предложение поддержала и выделила на эту цель средства, сопоставимые с годовым бюджетом небольшого индийского княжества.

На строительство и обустройство музея ушло больше пяти лет. Снаружи он был стилизован под индуистский храм, содержащий архитектурные элементы знаменитых священных комплексов Джаганнатха, Лингараджа и Конарака. Внутри два вводных зала были посвящены истории Британской Ост-Индской компании, а остальные буквально битком набиты всевозможными старинными артефактами, вывезенными из Индии, Юго-Восточной Азии и Китая. Провинциальный музей, прославляющий могущество английских колонизаторов очень быстро обрёл широкую популярность и в него стали приезжать посетители не только из близлежащего Лондона, но и из других более отдалённых городов. В 1874 году после ликвидации Ост-Индской компании, Мэтфилдский колледж перешёл под государственную юрисдикцию, а Музей Востока стал филиалом Британского Музея. Вход в него был бесплатным, а фотосъёмка разрешена как угодно: хоть со вспышкой, хоть со штативом.

– Вот это я понимаю – демократия! Не то что у нас: со своих граждан столько-то, с иностранцев столько-то, а за фото-видео извольте заплатить отдельно! – откровенно позавидовал Сергей Коновалов, снимая с различных ракурсов центральный фасад, сложенный по подобию храма Солнца в Конараке.

– Можно подумать, ты у нас часто по музеям ходишь, – насмешливо парировал Марат Баишев.

– Пока нет, но дочка подрастёт – придётся поневоле ходить-развивать.

– Ну-ну...

Накануне друзья уже посещали этот музей, и поэтому, пропустив два вводных зала сразу же направились в третий к поразившей их коллекции старинных анкусов – специальных багров для подгонки рабочих и боевых слонов. Их массивные короткие рукоятки из дорогого дерева и слоновой кости буквально слепили глаза своей роскошной отделкой – драгоценными камнями и декоративными накладками из золота и серебра.

– Хотел бы я занять хоть одно такое стрекало... – мечтательно протянул Коновалов.

– Помнится, Маугли тоже добыл себе княжеский анкус, да вовремя потерял, – окоротил его несбыточные мечты Баишев.

– Я не Маугли, и уж тем более не крестьянин, который его потом нашёл.

– Ну-ну, – скептически покачал головой Баишев и предупредительно добавил. – Я, пожалуй, пойду, барельефы посмотрю.

– Порнуху, что ли?

– Не порнуху, а Камасутру...

Вдоволь налюбовавшись раритетными анкусами и сделав два десятка фотографий, Коновалов перешёл в следующий зал. Там в углу имелось несколько барельефов, вывезенных из храма Солнца. На них мужчины и женщины занимались любовью в самых причудливых и невероятных позах. Баишев, словно Роденовский “Мыслитель”, нахмурил лоб и подперев рукой подбородок, недоумённо рассматривал одну из откровенных скульптур.

– Как ты думаешь, такое возможно? – вполне серьёзно обратился он к подошедшему Коновалову.

– Для нас – нет. А для индусов вполне – они же йоги, – шутливо отозвался тот.

– Мне кажется, что ни один йог не сможет так извернуться и извратиться, – по-прежнему серьёзно продолжил Баишев.

– Мне тоже. По-моему, это чьи-то нездоровые фантазии, – согласился Коновалов и хмуро добавил. – Мне бы не хотелось, чтобы моя дочь увидела такое в музее.

– Она ещё ничего из этого не поймёт.

– Тем хуже – начнёт расспрашивать...

Послonyaвшись по залам ещё с полчаса, друзья покинули музей, демонстрaтивно сделали под камерой наблюдения по несколько глотов виски из захваченной с собой бутылочки виски и направились к ресторану “Орисса”. При входе в заведение расслабившийся Коновалов едва не сбил с ног какого-то немолодого задумчивого растяпу.

–Sorry,– машинально извинился он по-английски и тут же по-русски добавил.– Ты чё, старый козёл, не видишь, куда прёшь?

Выходящий посетитель недоумённо посмотрел на Коновалова и вежливо уступил ему дорогу.

–Thank you,– поблагодарил его прошедший следом Баишев и добавил свой комментарий.– Какой культурный народ эти англичане. Ты его чуть с ног не сбил, а он ни слова не сказал и сам уступил дорогу.

–Да. Учтивости местным джентльменам не занимать,– согласился Коновалов.

Заняв столик в углу, за которым ещё пару минут назад сидели наблюдавшие за Осокиными агенты, проголодавшиеся связники, не пошедшие утром на гостиничный завтрак, заказали всё самое сытное и в двойном размере.

–Хреновый нам выбрали ресторан. Не понимаю я этой индийской кулинарии,– раздражённо проворчал Коновалов.– Из мясных блюд только перчёная курица. Ни говядины, ни свинины, ни баранины...

–Это точно – сплошное вегетарианство,– согласился с ним Баишев.– Я бы сейчас вместо цыплёнка съел какой-нибудь стейк-медиум или свиной эскалоп...

–Не трави душу. Хорошо, хоть пиво здесь английское...

Позавтракав курицей, бобами, рисом, пивом и кукурузными лепёшками, агенты посмотрели на часы, расплатились и проследовали в туалет. Один занял правую кабинку, другой – левую. Проведя там минуты по три, они вышли практически одновременно и многозначительно переглянулись.

–Ничего,– разочарованно пожал плечами Баишев.

–У меня тоже ничего,– подтвердил Коновалов.

Разочарованные псевдотуристы покинули неприглянувшийся им ресторан и неспешным прогулочным шагом направились к вокзалу. У находившегося на полпути небольшого сквера, в котором они собирались перекурить и пропустить по паре глотков виски, стояла полицейская машина, а сам зелёный пятачок был обнесён полосатой сигнальной лентой. Полицейские стояли по периметру, не допуская в сквер любопытствующих зевак, а трое сотрудников в противогазах и длинных резиновых перчатках с помощью каких-то приборов обследовали одну из скамеек. В стороне от них, под бронзовым бюстом Гилберта Честертона, скрестив руки, стоял рослый широкоплечий мужчина с высоким лбом и узким интеллигентным подбородком.

–Вы не знаете, что здесь произошло?– вежливо поинтересовался Баишев у одного из зевак.

–Вроде бы умерла какая-то пожилая пара,– неопределённо ответил тот.

–Судя по вниманию, это были персональные пенсионеры имперского значения,– цинично сострил Коновалов и единственный рассмеялся своей собственной шутке.

Бессмысленно потоптавшись пару минут у сигнальной ленты, друзья продолжили свой путь к вокзалу. Остаток дня и половину ночи они провели, шляясь по лондонским пабам, а на следующее утро проснулись в своём гостиничном номере в таком же бедламе, как и накануне.

–О, господи. Я больше так не могу...,– простонал Баишев, обматывая гудящую голову мокрым холодным полотенцем.

–Не ной – потерпи. Остался последний день,– урезонил его Коновалов.– Если сегодня будет закладка, то завтра же вернёмся в Москву.

–А если не будет?

–Тогда будем ждать дальнейших указаний...

–И продолжать пить?

–А что делать? Мы должны изображать отвязных русских бизнесменов, а не учёных ботаников. Надо поддерживать свой облик аморале. Нам на это выделен бюджет. Когда ещё ты за казённый счёт погуляешь по лондонским кабакам?

–А может, лучше погуляем по музеям?

–С меня достаточно Музея Востока. Я старший – и я решаю, где нам гулять,– твёрдо закрыл бессмысленную дискуссию Еоновалов.

–О, господи...– снова простонал Баишев и, закрыв глаза, уткнулся лицом в подушку.

Коновалов тем временем сделал глоток виски из очередной недопитой бутылки и, устроившись в кресле перед телевизором, как обычно стал бессистемно щёлкать пультом. На одном из новостных каналов он с удивлением увидел обнесённый сигнальной лентой сквер, бронзовый бюст Честертона и накрытый синим полиэтиленом кусок асфальта. Коновалов прибавил звук и отложил пульт в сторону. В кадре появилась надпись “Breaking news” и, стоящая возле ограждения взволнованная женщина-репортёр с микрофоном в руке.

–Мы ведём наш экстренный эксклюзивный репортаж из города Мэтфилд. Ещё вчера на этом самом месте,– взволнованным голосом начала она и указала на расстеленную синюю плёнку,– стояла скамейка, на которой в бессознательном состоянии были обнаружены русский шпион-перебежчик Андрей Осокин и его дочь Катарина. По словам медиков, они были отравлены каким-то неизвестным ядом. Судя по тому, что сквер был немедленно закрыт и подвергся тщательной дезинфекции, а скамейка увезена на экспертизу это было какое-то очень сильное и опасное отравляющее вещество. Два года назад Осокин и несколько обвинённых в шпионаже российских физиков были обменены на задержанную в США группу русских нелегалов. После своего освобождения Осокин поселился в Мэтфилде, получил работу в Ост-Индском колледже и иногда читал лекции для наших спецслужб. Скотланд-Ярд не исключает, что его отравление – это тривиальная месть со стороны Москвы.

–Выключи этот бред,– затыкая уши, жалобно попросил Баишев.

–Это не бред – это реальность. Похоже, наша миссия завершена досрочно,– мрачно резюмировал Коновалов.

–Ты думаешь, это и есть тот крендель, из-за которого мы пьём здесь уже четвёртый день?

–А ты думаешь, что Мэтфилд битком набит нашими людьми?

–Я ничего не думаю...

В телефоне Коновалова пискнула СМС-ка. Он прочитал сообщение и многозначительно покачал головой.

–У меня заболела дочь. Надо срочно возвращаться ближайшим рейсом.

–Какое счастье,– не к месту радостно улыбнулся Баишев и сбросил с головы мокрое полотенце.

Глава 3. Пробуждение.

Ночное тёмно-синее небо стало понемногу голубеть и на его фоне проступили чёрные очертания далёких гор. Понемногу заснежено-белые вершины обрели розоватый оттенок, а потом из-за них вырвалось невыносимо-ослепительное солнце. От его испепеляющего света Андрей Осокин зажмурил глаза и застонал. Тут же раздались тихие лёгкие шаги, и молодой женский голос доверительно-вежливо спросил:

–Мистер Осокин, как вы себя чувствуете?

–Никак,– неопределённо просипел тот и ещё раз попытался открыть глаза, но отвыкшие от света зрачки не воспринимали даже полумрак реанимационной палаты.

Осокин снова зажмурился и стал прислушиваться к своему организму. Казалось, что не было ни ног, ни рук, ни туловища. Оставался только затуманенный мозг, в котором калейдоскопом крутились, казалось бы, давно забытые афганские пейзажи. А ещё были противный кислый привкус во рту, тошнота и неприятное першение в гортани. Казалось, что кто-то засунул

ему в гортань гибкий резиновый шланг. Осокин попытался прокашляться, но у него ничего не получилось – дыхательные пути не слушались и жили какой-то своей особенной жизнью.

–Что со мной?– чужим свистящим голосом спросил он у своей невидимой хранительницы.

–С вами всё в порядке. Вашей жизни ничего не угрожает,– профессионально успокоил его вкрадчивый женский голос.

Всё в порядке! Эта стандартная утешительная фраза вернула Осокину сознание лучше любого нашатыря. Он вспомнил дорогу к Мэтфилдскому вокзалу, сквер Честертон и утомлённую Катю, тревожно спрашивающую: “С тобой всё в порядке?”. Сомнений не было – их обоих отравили!

–Что с Катей?!– натужно прохрипел не на шутку встревоженный Осокин.

–С вашей дочерью тоже всё в порядке. Она находится в соседней палате.

–Она тоже отравлена?!

–Гораздо легче, чем вы,– уклончиво ответила медсестра.

–Я хочу её видеть!– напрягшись из последних сил, потребовал Осокин.

Он попытался приподнять онемело-ватную руку, но оказалось, что та прочно пристёгнута к кровати.

–Вам нельзя волноваться, двигаться и громко говорить.

–Я хочу видеть свою дочь!

–Подождите пять минут. Сейчас она придёт.

Невидимая медсестра вколола своему пациенту через капельницу успокоительное, и через пару минут он снова расслабленно задремал безо всяких тревожащих душу снов и видений.

Второй раз Осокин очнулся легче и с относительно ясной головой. Возможно, ему помогли – потому что после очередной неудачной попытки открыть глаза, он услышал не молодой женский голос, а хорошо знакомый низкий мужской баритон, принадлежавший его куратору – директору четвёртого, так называемого “русского” отдела службы Ми5 старшему полковнику Алексу Груберу.

–Андрей, как вы себя чувствуете?

–Нормально. Что с моей дочерью? Она тоже отравлена?– не открывая глаз, задал свой главный вопрос Осокин.

–В гораздо меньшей степени, чем вы. Катя уже ходит по своей палате.

–Кто и зачем нас отравил?

–А вы сами не догадываетесь?

–Неужели, мои бывшие коллеги?– выдвинул Осокин самую несуразную с его точки зрения версию..

–Абсолютно верно,– подтвердил его невероятное предположение Грубер.– В то утро двое русских агентов приехали в Мэтфилд. И вряд их интересовал исключительно Музей Востока.

–Вы их задержали?

–К сожалению, не успели.

–Но зачем им нужно было меня травить? Тем более, вместе с дочерью?– с демонстративным недоумением спросил Осокин.

–Я хотел бы спросить тоже самое у вас,– переадресовал вопрос Грубер.– Подумайте, вы ничего не задолжали своим соотечественникам?

–А что я им мог задолжать?

–Предположим, ту самую рукопись, которая интересуется и нас и Москву...

–Имеете в виду мемуары Маевского? Откуда они могут взяться у меня, если вся ваша служба искала их семь лет, да так и не сумела найти?

–Вам виднее, откуда они у вас взялись. Подумайте, как следует...– многозначительно предложил Грубер.

–У меня нет, и не может быть никаких мемуаров,– твёрдо отрезал Осокин и вернулся к своей большой теме.– Я хочу увидеть Катю.

–Она ещё слишком слаба, чтобы самостоятельно выходить из палаты.

–Тогда привезите её в кресле-каталке.

–К сожалению уже слишком поздно – она спит. И вам тоже следует отдохнуть...

–Но Катя точно жива?– тревожно уточнил Осокин.

–Жива, и даже почти здорова,– уверенно успокоил его Грубер и, судя по звукам, поднялся со стула, собираясь уходить.

–Последний вопрос: где и чем нас отравили? Неужели в ресторане?– задержал его очередным нелепым предположением Осокин.

–Нет. Вас отравили российским нервно-паралитическим веществом “Бальзамин”, нанесённым на ручку входной двери вашего дома,– бесстрастно отрапортовал старший полковник и сухо попрощался.– Спокойной ночи!

Вопреки его пожеланию никакого спокойствия на душе у Осокина не было. Он вспомнил подозрительно липкую ручку входной двери, и всё встало на свои места. Чтобы скандальные мемуары опального олигарха Маевского никоим образом не попали в Москву, Грубер сначала отравил его и Катю, потом закрыл их в военном госпитале, а теперь предложил обменять вожделенную рукопись на свободу и неприкосновенность. Собственную и, что самое главное, дочери. Катя оказалась единственно действенным инструментом, с помощью которого контрразведчики могли вывернуть Осокину руки. А ведь как хорошо всё было задумано! После отправки мемуаров вместе с дочерью в Москву, он мог бы играть в кошки-мышки с Ми-5 всю оставшуюся жизнь. Но Грубер всё же переиграл его, и переиграл начисто. Отравление агентами Москвы! И его самого и дочери! Такого неожиданно-дерзкого хода Осокин предусмотреть не мог! Если он отдаст Груберу рукопись, то в Темза-Хаус закроют глаза на его двойную игру и всё останется как прежде. Катю отпустят в Москву, его вернут в Мэтфилд, а возможно, даже позволят улететь вместе с дочерью в Россию. А если не отдаст – то просто-напросто добьют в госпитале и выставят очередной жертвой бесчеловечного кремлёвского режима. Впрочем, сделать его и Катю жертвами режима, можно и в первом варианте. Так даже надёжнее...

Осокин своими руками втравил дочь в эту авантюру! У него было время, чтобы отменить Катину поездку в Лондон – ведь он обнаружил слежку ещё за три дня до её прилёта. Выходя из дома хотя бы на час, Осокин обязательно оставлял в зазоре между косяком и дверным полотном маленький кусочек поролона. Поролон был подобран в тон двери и на посторонний взгляд был абсолютно незаметен. Если бы кто-то открыл дверь в его отсутствие, то метка непременно бы выскочила и сообщила своему хозяину о непрошеном госте. В течение двух лет кусочек поролона всегда оставался на своём месте – в щёлочке чуть ниже дверного замка, а за два дня до приезда Кати, когда Осокин вернулся после очередной лекции в Ост-Индском колледже, он оказался лежащим на каменной ступеньке. В доме не было никаких следов таинственных визитёров, – они ничего не искали. А если не искали – то, значит, установили наблюдение. В другой момент Осокин бы плюнул на это и спокойно жил, словно в аквариуме, на глазах у агентов наружного наблюдения. Но он совсем не хотел, чтобы они пялились на его дочь.

Пройдя в гостиную, Осокин обвёл её цепким профессиональным взглядом. Зацепиться там было не за что – ни картин, ни фотографий, ни каких-либо безделушек-статуэток. Только натёртые до блеска деревянные поверхности, прозрачная люстра и гладкие горизонтальные жалюзи. Казалось, что даже самую миниатюрную видеокамеру спрятать здесь было негде. И всё же одно место имелось – это стоявшая в углу стеклянная витрина с праздничной посудой. Оттуда вся комната просматривалась как на ладони. Осокин подошёл к прозрачному шкафу, критически оглядел кристально чистые рюмки, бокалы и тарелки, а потом взял в руки боль-

шую цветочную вазу – его первый подарок на день рождения жены. Её как память привезла из Москвы Катя. Именно там, в одной из хрустальных складок, пряталась маленькая пластиковая “пуговка”, заметная только при очень пристальном рассмотрении. Осокин не стал отрывать и выбрасывать обнаруженный шпионский гаджет, а просто развернул вазу так, чтобы наблюдатели не могли видеть ничего кроме глухой задней стенки посудной витрины. Потом он до поздней ночи тщательно обыскивал собственный дом и нашёл ещё четыре закладки: в обеих спальнях, на кухне и в прихожей. Все камеры Осокин оставил на прежних местах, только предусмотрительно заклеил их малярным скотчем. Захламлённую кладовку и гараж он обшаривать не стал – даже если наблюдатели там что-то и установили, то ничего интересного увидеть не могли.

Вот тогда-то и нужно было изменить, казалось бы, безупречный план и немедленно отменить Катину поездку. Но недооценивший своего противника Осокин этого не сделал, и теперь его отравленная дочь лежала в больничной палате, превратившись в заложницу чужой политической игры. В сложившейся ситуации её можно было вывести из-под удара, только отдав Груберу найденную рукопись. Но спасёт ли это Катю? И он и дочь гарантированно живы только до тех пор, пока мемуары Маевского находятся у них...

Глава 4. Игра в прятки.

Старший полковник Алекс Грубер и майор Самуил Престон, сидели перед большим монитором и внимательно смотрели на расплывчатый оранжевый силуэт, похожий на причудливо вытянутую кляксу. Силуэт неспешно передвигался на фоне неподвижных серых и голубых пятен. Отойдя в правую часть экрана, он остановился и стал слабо пульсировать.

–Что конкретно делает сейчас наш объект?– прервал сосредоточенное молчание Грубер.

–Сейчас он на кухне. Возможно, делает бутерброды, а, возможно, заваривает чай,– неопределённо пояснил Престон.

–А, возможно, именно сейчас он, разбивает жёсткий диск,– задумчиво предположил старший полковник.

–Возможно. Но сейчас восемь часов утра,– майор указал на бегущий в углу экрана таймер.– В это время наш объект обычно завтракает.

–Одно другому не мешает,– вполне логично резюмировал Грубер и раздражённо добавил.– Зачем нужен сканер, который не может показать, что конкретно делает объект наблюдения?

–Он создан для поиска живых объектов в труднодоступных пространствах. Например, людей под завалами или террористов в укрытиях,– заученно-чётко, словно студент на экзамене, ответил Престон.

–Только мы от такого поиска не имеем никакого толка,– разочарованно вздохнул старший полковник.

После того как Осокин нейтрализовал все установленные в его доме видеокamеры, кроме тех, что находились в гараже и в кладовке, Грубер обратился за помощью в департамент технического обеспечения. Оттуда прислали новинку – инфракрасный наносканер, способный “разглядеть” человека даже на глубине пятнадцати метров под землёй. Десять дней это чудо техники неотрывно следило за объектом в самых сложных для наружного наблюдения местах – дома и на работе – а в результате оказалось совершенно бесполезным. Сканер фиксировал все передвижения Осокина, но не давал никакой реальной картинки – только тёплый оранжевый силуэт на холодном серо-голубом фоне. А Грубера интересовала не просто картинка – его интересовали детали. Причем самые мельчайшие.

В Темза-Хаус Осокину изначально не доверяли. Два года назад его вместе с учёными, обвинёнными в торговле государственными секретами, обменяли на русских шпионов, разоблачённых в США. Учёных было трое, а шпионов шестеро – сделка явно неравнозначная – и русские сами “пристегнули” для массовки осуждённого за измену родине Осокина. В отличие

от перспективных физиков никакой ценности разоблачённый двойной агент не представлял, и его взяли буквально скрепя сердце. В Британии Осокину предоставили ведомственное жильё, необременительную работу в Ост-Индском колледже и небольшую подработку по профилю – чтение тематических лекций для курсантов Лондонской разведшколы. Контрразведчики не исключали возможности очередной перевербовки своего специфического лектора, и на всякий случай первое время держали его под плотной опекой, но никаких подозрительных интересов и контактов не выявили. Осокин вёл на редкость замкнутый образ жизни, и за два года не сблизился ни с одним человеком, ни на службе, ни в городе. На родине у него не осталось никого кроме дочери Кати, с которой он пару раз в неделю общался по Скайпу в стиле: “У меня всё нормально – и у меня тоже”. Каждые полгода Катя приезжала в гости к отцу, но в этом не было ничего подозрительного. К тому же никакую секретную информацию Осокин передать ей не мог – он даже свои нечастые лекции для будущих разведчиков читал в закрытом удалённом доступе и никогда не видел лиц своих слушателей. Бывший двойной агент был абсолютно прозрачен. Он не пользовался никакими мессенджерами кроме обычного телефона и электронной почты, имел практически пустой аккаунт в одной из социальных сетей, читал в Интернете одну британскую и две русские газеты, изредка посещал один тот же порносайт, а по выходным взывал из эскорт-службы какую-нибудь девушку восточной наружности. Львиную долю своего свободного времени Осокин посвящал рыбалке. Наверное, это была его единственная подлинная страсть. Осокин регулярно покупал всевозможные рыболовные снасти, кладовка в его доме была доверху забита всевозможными удочками, спиннингами и острогами, а сам он объездил все окрестные водоёмы в радиусе ста миль и даже иногда выезжал на взморье. Рыбачил Осокин всегда в одиночестве и никаких контактов с собратьями по увлечению не поддерживал. Этот имидж скромного и добропорядочного отставного агента усыпил бдительность британской контрразведки, и со временем навязанного Москвой перебежчика оставили практически без присмотра.

А три недели назад в Темза-Хаус от высокопоставленного московского осведомителя поступила информация о том, что администрация российского Президента перевела пять миллионов фунтов в офшор на Каймановых островах за оплату неких интеллектуальных услуг. Директор четвёртого “русского отдела” службы Ми5 старший полковник Алекс Грубер, шесть лет безуспешно занимавшийся поиском исчезнувших мемуаров опального русского олигарха Маевского и в своё время завербовавший сотрудника ГРУ Андрея Осокина, связал воедино ещё несколько разрозненных фактов и пришёл к выводу, что пресловутая рукопись наконец-то нашлась и находится в руках его бывшего протеже. Осокин был тут же взят в самую плотную оперативную разработку, и предположение Грубера полностью подтвердилось.

Бежавший в Лондон от уголовного преследования некогда могущественный русский олигарх растратил остатки своего колоссального состояния на всевозможные политические интриги и финансовые тяжбы со своим бывшим компаньоном Романевичем. Оставшись в буквальном смысле без единого фунта стерлингов, Маевский по его уверению написал “самые правдивые мемуары о становлении нынешней кремлёвской клептократии” и предложил их российскому Президенту и другим заинтересованным персонажам за астрономическую сумму в четыре миллиарда долларов. И, возможно, эти откровения того стоили.

В восьмидесятые-девяностые годы Михаил Маевский сделал совершенно головокружительную карьеру. Из рядового инженера отраслевого НИИ он превратился в самого богатого человека России. Ему принадлежали: крупнейший металлургический комбинат, многопрофильный медиа-холдинг, несколько банков, международный аэропорт и множество других компаний. Удовлетворив свои финансовые амбиции, тщеславный олигарх двинулся в политику. Он поочерёдно занимал ряд государственных постов от члена Совета Безопасности до вице-премьера, был депутатом Государственной Думы, создал собственную партию и, в конце концов, попытался поставить во главе страны собственного “карманного” президента. Но тут

золотая рыбка удачи перестала исполнять желания зарвавшегося авантюриста, и он в результате своих интриг остался у разбитого корыта. Новый Президент оказался не послушной и безвольной марионеткой, а опытным и самостоятельным игроком, имеющим собственный взгляд на историю и развитие страны. Он жёстко и уверенно стал зачищать экономическую и политическую поляну России от случайных и опасных, по его мнению, людей. Одним из первых под раздачу попал Михаил Маевский. Его финансовая империя была разрушена до основания, а против него самого возбуждён целый ряд уголовных дел – от неуплаты налогов до заказных убийств. Избегая неминуемой тюрьмы, затравленный олигарх сбежал в Лондон, где получил заветное политическое убежище и соответствующий иммунитет к уголовному преследованию на родине. Оказавшись в безопасном изгнании, Маевский возжаждал реванша и вновь развил бурную политическую деятельность. Он публично обвинил Кремль во всех мыслимых и немыслимых грехах, тайно и явно спонсировал российскую оппозицию и активно участвовал во всевозможных цветных революциях на постсоветском пространстве. Однако время работало против Маевского – год за годом кремлёвский режим только крепчал, а его уцелевшие офшорные счета неуклонно таяли. Бывшие жёны, деловые партнёры и наёмные топ-менеджеры растащили и отсудили остатки “заводов, газет, пароходов”, и разорившемуся олигарху пришлось за бесценок продавать личное имущество. Вот тогда Маевскому и пришла в голову мысль поправить своё финансовое состояние за счёт скандально-взрывных мемуаров. Мемуаров, в которых он честно и правдиво опишет свою жизнь, очень похожую на захватывающий авантюрный роман. Мемуаров в которых он не пожалеет никого и откровенно покажет неприглядную изнанку экономической и политической жизни России девяностых и начала нулевых годов.

Семь лет назад Маевский, окончив свои скандальные откровения, предложил их российскому руководству за астрономическую в четыре миллиарда долларов. Это были его прямые потери от вынужденно-убыточной продажи крупнейшего металлургического комбината. В Москве, естественно, от подобной сделки отказались и в свою очередь выдвинули угрожающий ультиматум, с требованием передать мемуары в обмен на прекращение уголовного преследования и возможность возвращения на родину. В противном случае Кремль не давал за жизнь незадачливого автора ни ломаного гроша, ни ржавого фунта. Уязвлённый олигарх послал к чёрту присланного в Лондон московского парламентария, связался с крупным британским издателем и предложил купить его “взрывную” рукопись за очередную несуразную сумму – один миллиард фунтов. Заинтригованный бизнесмен сбил сумму гонорара до ста миллионов и, не собираясь покупать кота в мешке, пожелал предварительно ознакомиться с мемуарами. Однако Маевский наотрез отказался предъявлять рукопись, раньше подписания договора и получения аванса в пятьдесят миллионов фунтов. В результате долгих и нудных переговоров они договорились о встрече, на которую новоиспечённый писатель должен был принести самые скандальные главы своей рукописи. В том числе те, которые касались его сотрудничества с британскими спецслужбами. Но накануне условленного randevу мемуарист-разоблачитель скоропостижно скончался от сердечного приступа, вызванного передозировкой кардиостимулирующего гликозида. Официальной причиной его смерти было признано самоубийство, хотя в это никто не поверил. Если мемуары действительно были правдивые, то на свете имелось немало очень влиятельных людей и организаций, желавших, чтобы они никогда были изданы. И самое интригующее заключалось в том, что после смерти автора его рукопись совершенно бесследно исчезла. От неё остался только предназначенный для британского издателя абсолютно нейтральный фрагмент, в котором вместо захватывающих кремлёвских интриг занудно и скрупулёзно описывались детство, юность и зрелые годы Михаила Маевского вплоть до того момента, когда он впервые встретился с одним из идеологов ваучерной приватизации.

Официально дело о смерти Маевского вёл Скотланд-Ярд, но по факту им занималась контрразведка. Мемуары, если они действительно правдивые, должны были содержать немало реального компромата на высокопоставленных российских чиновников, бизнесменов и, воз-

можно, самого Президента. В поисках исчезнувшей рукописи сотрудники Ми5 буквально по кирпичику и песчинке изучили загородное поместье Маевского, но она как в воду канула. И вот теперь – через семь лет после скоростной смерти русского олигарха – его таинственные мемуары оказались в руках дважды “перекрашенного” агента ГРУ.

Директор четвёртого “русского” отдела старший полковник Алекс Грубер проявил непростительную беспечность, посчитав, что Осокин после своего громкого разоблачения и длительной отсидки на родине напрочь растерял свои профессиональные навыки. Под маской недалёкого и усталого от жизни мизантропа до последнего момента скрывался специалист очень высокого класса, мгновенно почувствовавший, что он находится под колпаком. Грубер уже тысячу раз проклял тот день, когда решил установить в доме Осокина камеры слежения. Профессиональный разведчик выявил их, что называется на раз, и незамедлительно принял контрмеры. Надо было без всякой слежки грубо и прямолинейно арестовать Осокина по подозрению в шпионаже, и в поисках разоблачительных мемуаров разложить его дом на молекулы. Даже если бы рукопись не нашлась, то и Осокин, находясь под стражей уже никак не смог бы передать её в Москву. А в том, что мемуары всё ещё находятся где-то в Британии, Грубер не сомневался.

В наше время любую информацию можно отправить с одного края планеты на другой буквально в один клик. Но эта удобная простота лишает информацию всякой конфиденциальности. Любой самый секретный документ хоть раз попавший во Всемирную Паутину всегда можно отыскать, расшифровать и предать огласке. И Маевский и тем более Осокин прекрасно это понимали и поэтому не доверяли рукопись Интернету. Олигарх писал свои мемуары на ноутбуке, который никогда не был подключен к Сети. А теперь эти взрывоопасные воспоминания могут находиться на каком-нибудь миниатюрном чипе, который при современных технологиях можно вживить себе прямо под кожу. Это конечно перебор, и рукопись, вероятнее всего, записана на самую обычную флэш-карту, которую Осокин должен переправить в Москву. Для этого к нему должен был прибыть курьер. На эту роль идеально подходила его дочь. Но Катя была слишком открытым и уязвимым канал, поэтому кроме неё должны были существовать и другие связники. Однако ни в какие подозрительные контакты Осокин до приезда дочери не вступал и, соответственно, рукопись должна была перевезти именно она. Поэтому перед отлётом домой Катю следовало под каким-нибудь предлогом задержать в аэропорту и подвергнуть тщательнейшему досмотру. Но Осокин, зная, что находится в оперативной разработке, мог запросто отложить отправку. Впрочем, даже если флэш-карта с мемуарами будет найдена у Кати – то, под каким предлогом её можно конфисковать? Ни на контрабанду, ни на секретные материалы рукопись не тянула. Значит, придётся её просто скопировать и с извинениями вернуть хозяйке. А оказавшись в Москве, разоблачительные мемуары потеряют свою эксклюзивную значимость, как неопровержимый компромат и возможный инструмент давления на российскую элиту. А если Катя сумеет вывезти эти воспоминания незаметно, то их содержание кроме российского Президента вообще никто и никогда не узнает...

Вывод напрашивался один: ни Катя, ни тем более её отец никогда больше не должны покидать Британию и контактировать со своими соотечественниками. Но как этого добиться? Арестовать их обоих по подозрению в шпионаже? Но даже Осокину невозможно предъявить ничего конкретного, а что тогда говорить о его дочери? Оставалось только пойти на довольно рискованную авантюру – инсценировать покушение на разведчика-предателя и обвинить в этом Москву. Решение об операции принимали на самом верху, и оно было положительным. Даже если в скандальных воспоминаниях Маевского не было никакого конкретного компромата на российского Президента, то он наверняка имелся на его ближайшее окружение. А это очень важный козырь в политических интригах и экономических войнах.

Способом покушения было выбрано самое банальное в цивилизованном мире отравление. А ядом – чтобы не было никаких сомнений в том, кто это сделал – разработанное ещё

в Советском Союзе нервно-паралитическое вещество “Бальзамин”. За сорок лет после своего создания технология “Бальзамина” перестала быть какой-либо тайной, и синтезировать его не составило никакого труда. Нужно было только грамотно рассчитать дозировку и выбрать способ применения. Исключая возможную утечку информации, Грубер решил лично провести эту рискованную операцию. За три дня до отлёта Кати он вместе с начальником токсикологической лаборатории Стивом Мэйсоном заступил на ночное дежурство в фургоне наружного наблюдения возле дома Осокина. В шестом часу утра, когда жители ещё крепко спали, а улицу уже окутал плотный утренний туман, они вышли из машины и направились к жилищу своего подопечного. Одетый в угрожающе-раздутый оранжевый “скафандр” химзащиты Мэйсон был похож на инопланетного монстра и запросто мог довести до инфаркта какого-нибудь случайного прохожего. Грубер должен был его страховать на случай подобного форс-мажора. Правда, он сам в противогазе, болотных сапогах и долгополом прорезиненном плаще с капюшоном выглядел не менее нелепо-пугающе, чем его коллега. Подойдя к дому Осокина, Мэйсон растегнул висевший на боку герметичный медицинский пакет и, тщательно оттерев металлическую дверную ручку от влажного ночного конденсата, несколько раз прыснул на неё из стеклянного пульверизатора. Грубер, надевший длинные и плотные резиновые перчатки, всё это время предусмотрительно стоял метрах в пяти от него на газоне возле живой изгороди. Когда Мэйсон, окончив свою работу, отошёл от дома, он помог ему снять защитный костюм и тщательно упаковать его в толстостенный полиэтиленовый мешок. Завершив операцию, которая заняла не более пяти минут, контрразведчики разошлись в разные стороны. Мэйсон вернулся в фургон наружного наблюдения, а Грубер направился в стоявший на другом конце улицы неприметный серый седан. В восемь утра Мэйсон, как положено, сдал смену майору Самуилу Престону и дежурному сержанту и уехал. А Грубер продолжал следить за Осокиными из своей машины до того самого момента, когда они, вместо того, чтобы эффектно рухнуть на вокзальную платформу или на тротуар посередине Мэйн-Стрит, тихо и незаметно для окружающих отключились на лавочке в сквере Гилберта Честертона.

В плане операции никаких подставных медиков не существовало – всё должно было выглядеть максимально естественно. Предполагалось, что отравится только Осокин, а его дочь сама вызовет обычную скорую помощь, и потом останется в госпитале ухаживать за больным отцом. Но выйдя из дома, Катя по-детски взялась за отцовскую руку и тоже получила порцию “Бальзамина”. Теперь они оба неприметно умирали на садовой скамейке, и медлить было нельзя. Грубер уже хотел сам набрать три экстренные девятки, но тут в дело вмешался майор Самуил Престон. Увидев бедственное положение Осокиных, он вышел из фургона наружного наблюдения, вызвал неотложку, а потом вступил в абсолютно ненужный диалог с диспетчером. Грубер вовремя прервал эту излишнюю болтовню и едва ли не силой вернул сердобольного Престона на его рабочее место. Карета скорой помощи прибыла буквально через две минуты и отвезла едва живых пострадавших в Мэтфилдский окружной госпиталь, в который именно сегодня прибыл с проверкой санитарный инспектор из Лондона. Этим инспектором, проверяющим готовность медицинского учреждения к различным экстренным ситуациям, был начальник токсикологической лаборатории службы Ми-5 профессор Стив Мейсон. Когда в госпиталь привезли отравленных Осокиных, он осматривал именно реанимационное отделение и сразу же предложил свою квалифицированную помощь. Бегло осмотрев пострадавших, опытный профессор сразу поставил точный диагноз – отравление нервно-паралитическим веществом – подобрал необходимый антидот, лично подключил пациентов к аппарату искусственного дыхания и определил дальнейший курс их лечения. Как позже признавался Мэйсон, счёт шёл буквально на минуты, и он был уверен, что Осокин, в отличие от менее пострадавшей дочери, уже не выкарабкается. Но тот выкарабкался и спустя пять недель естественной комы пришёл в себя. А вечером в день отравления химики из токсикологической лаборатории подтвердили диагноз своего шефа и определили, что Осокины подверглись воздействию “Бальзамина” – нервно-

паралитического отравляющего вещества, созданного в Советском Союзе ещё в конце восьмидесятых годов. Ресторан “Орисса” и сквер Гилберта Честертон тут же подверглись самой тщательной дезинфекции, а дом Осокина скрупулёзно обследовали химики и криминалисты.

Не обошлась эта рискованная операция и без нескольких серьёзных накладок. Прибывший превым на осмотр дома Осокина местный констебль неосмотрительно взялся за дверную ручку незащищённой рукой. К счастью, “Бальзамин” к тому времени уже частично испарился и страж порядка отделался обычным отравлением. Но самым опасным оказалось то, что креативно сфабрикованная улика – флакон из-под французских духов, в котором вместо дорогого парфюма содержалось отравляющее вещество – бесследно исчезла. В шесть часов утра Грубер лично положил ядовитую тару в фирменную упаковку и выбросил ближайший к дому Осокина мусорный бак, но после полудня, когда криминалисты обследовали контейнер, её там не оказалось. Камеры наблюдения, по версии следствия отключённые русскими хакерами, в этой части Мэтфилда не работали с девяти вечера до девяти утра, поэтому выяснить, куда подевалась неопровержимая улика, было невозможно. Отравленный флакон обнаружился только через месяц. Оказалось, что его нашёл собиравший окурки местный бродяга и подарил своей подруге, жившей в соседнем городке. Та долго и безуспешно пыталась обменять парфюмерию на что-то более ценное, вроде алкоголя или марихуаны, и в итоге использовала её по прямому назначению. Женщина отравилась насмерть, а её приятеля, тоже понюхавшего отравленные духи, удалось спасти. Обоих бродяг причислили к жертвам русской химической атаки, а злополучные духи стали единственной, но неопровержимой уликой в деле об отравлении Осокиных.

На следующее утро после происшествия в сквере Честертон, новость о том, что агенты ГРУ отравили в Мэтфилде своего бывшего коллегу, вышла на первой позиции всех ведущих газет, телепрограмм и интернет-каналов. Кремль активно открещивался от предъявленных обвинений, но его оправдания на фоне массивной информационной атаки выглядели неубедительно. Москву как обычно обвинили во всех мыслимых и немыслимых грехах, выслали нескольких российских дипломатов и ввели очередные санкции.

Пока высокие политики получали свои высокие дивиденды от скандального отравления, Алекс Грубер решал более приземлённые задачи – искал мемуары Маевского. Но злополучная рукопись по-прежнему играла с ним в прятки. Как и в случае со скоропостижно умершим олигархом, дело об отравлении Осокиных номинально вела криминальная полиция, а по факту военная контрразведка. Грубер самолично просканировал все закоулки в доме бывшего двойного агента, но не нашёл ничего интересного кроме раскуроченного ноутбука, валявшегося под стеллажом в гараже. Вероятно, в своё время это была очень ценная улика, потому что от неё остался только корпус – без жёсткого диска, клавиатуры и экрана. В то же время в пылесборнике пылесоса были обнаружены прилипшие к стенкам крошечные кусочки металла и пластика. Такие же микрочастицы сохранились и на разделочной кухонной доске. Судя по записи с уцелевшей в гараже видеокмеры, Осокин принёс туда останки ноутбука уже на следующий день после приезда своей дочери. видимо, именно тогда он и уничтожил жёсткий диск, клавиатуру и монитор. Судя по заводскому номеру, ноутбук был куплен в Лондоне через полгода после обмена Осокина, в то самое время, когда Катя первый раз приехала в гости к отцу. Этот гаджет никогда не подключался к Интернету и, скорее всего, использовался для шифровки сообщений, которые Катя или какие-то другие курьеры отвозили в Москву.

А в том, что курьеры существовали, Грубер не сомневался. На видеозаписи из гардероба “Ориссы” было видно, как Осокин, выходя из ресторана, лоб в лоб столкнулся с каким-то мужчиной и перекинулся с ним парой фраз. Полковник не поленился и по видеокмерам проследил передвижение незнакомца от Мэтфилда до самого Лондона. Выяснилось, что это русский турист Сергей Коновалов, прилетевший в Англию со своим другом Маратом Баишевым пять дней назад. За это время они дважды посетили Мэтфилд, а остальное время провели в пабах, барах и ночных клубках. На следующий день после отравления Осокина, они,

неожиданно сменив билеты, досрочно вернулись в Москву. В Мэтфилде русские псевдотуристы посещали только музей Востока и ресторан “Орисса”. Во время их первого визита Осокины не были ни в музее, ни в ресторане. Значит, никакого контакта между московским резидентом и его связниками быть не могло. Конечно, если он заранее не оставил закладку в одном из этих мест. Но Осокин ничего не оставил – иначе Коновалов и Баишев не вернулись бы в Мэтфилд во второй раз. И на этот раз они лицом к лицу столкнулись с Осокиным в дверях ресторана “Орисса”. Случайность или нет? Спланировать заранее подобный контакт практически невозможно, но всё же... Грубер едва ли не сто раз просмотрел этот трёхсекундный фрагмент видеозаписи, но ничего подозрительного не увидел.

Но даже если бы Осокин и сумел незаметно передать Коновалову флэш-карту или какой-то другой носитель, то связной, дотронувшись до него, отравился бы точно так же как Катя, и через пару часов оказался в какой-нибудь больнице. Оставить закладку между первым и вторым приездом туристов-связников Осокин не мог – за это время он не был ни в музее, ни в ресторане. Значит, русские туристы улетели ни с чем, и мемуары Маевского находились где-то здесь в Мэтфилде! Если только Осокин не уничтожил их вместе со своим ноутбуком...

Глава 5. Андрей Осокин, Афганистан.

Ни в детстве, ни в юности Андрей Осокин ни сном, ни духом не помышлял стать разведчиком. Как и многие другие, он попал в эту профессию совершенно случайно. Молодому Осокину казалось, что будущих нелегалов с детства выращивают в каких-то специальных инкубаторах, где буквально с пелёнок прививают зарубежную ментальность, учат говорить и мыслить исключительно на иностранном языке, умело шифроваться, пользоваться различными шпионскими гаджетами и запоминать наизусть огромные массивы информации. Андрей же в раннем детстве сначала хотел стать крановщиком, а потом последовательно: экскаваторщиком, пожарным и милиционером. А в восемь лет, казалось, окончательно, выбрал романтическую профессию археолога. Но тут ему совершенно случайно попала учебная брошюра с рассказом Артура Конан-Дойла “Пляшущие человечки” на английском языке. Кривляющиеся фигурки заинтриговали мальчика. Он нашёл в домашней библиотеке англо-русский словарь и несколько вечеров, вместо того чтобы делать уроки, переводил увлекательный детектив и записывал его в отдельную тетрадку. Эта работа так захватила мальчика, что он окончательно и бесповоротно решил стать переводчиком. Адаптированные для школьников брошюры на английском языке продавались в Доме педагогической книги, и к пятому классу, когда в школе начинают изучать иностранные языки, Андрюша Осокин уже перевёл несколько рассказов Конан-Дойла, Джека Лондона и О Генри и владел английским на базовом уровне. Параллельно он стал учить и немецкий язык, а в старших классах увлёкся экзотической восточной культурой. Осокин даже раздобыл редкостные словари фарси и хинди, но самостоятельно освоить эти сложные языки было нереально, а найти квалифицированных преподавателей найти было невозможно. Впрочем, кое-что он всё же усвоил.

После школы Осокин, ничуть не сомневаясь, что поступит с первого раза, подал документы в институт иностранных языков имени Мориса Тореза. Однако изучая английский, немецкий, хинди и фарси, он совершенно забыл про русский, и получив за сочинение тройку, недобрав один балл и осенью отправился в армию. На призывной комиссии Осокин сам попросил отправить его куда-нибудь на юг, мотивировав это желание базовым знанием индийского и персидского языков. В результате он попал на погранзаставу в Таджикистане, где его начальное знание фарси и хинди оказалось абсолютно ненужным. Но Осокин и здесь нашёл применение своим лингвистическим способностям – он стал изучать таджикский язык и за два года изрядно в этом преуспел. Начальник погранзаставы, видя неумную тягу своего подчинённого к иностранным языкам, посоветовал ему после дембеля поступать в Военный институт Министерства обороны. Понимая, что после армии в Мориса Тореза ему уже не попасть, Осокин согласился и, получив блестящие характеристики и рекомендации, направился на факультет

военных переводчиков. Правда, здесь его постигло неожиданное разочарование. И Иран и Индия считались очень привлекательными местами для прохождения службы, поэтому специализироваться на фарси и хинди без какой-либо протекции было невозможно. Никаких влиятельных покровителей у Осокина не было и ему достались языки Афганистана – пушту и дари. Впрочем, это не разочаровало молодого человека – он был безмерно рад тому, что без особых проблем поступил на престижный факультет, и будет заниматься любимым делом.

Окончив с отличием институт, Осокин получил направление на военный аэродром в узбекском Термезе, и через год вместе с ограниченным контингентом Советских войск попал в Афганистан. Предполагалось, что эта экстренное вторжение предотвратит разгоравшуюся в стране гражданскую войну, но оно только подлило масла в огонь. Сначала местные жители встречали советских воинов едва ли не с цветами и видели в них освободителей от кровавой диктатуры Хафизуллы Амина, но благоприятная ситуация очень быстро изменилась. Сменивший Амина Бабрак Кармаль оказался ничем не лучше своего предшественника и при поддержке советской армии развернул ширококомасштабную войну против исламской оппозиции. Шурави (*советские военнослужащие*) в глазах большинства местных жителей очень быстро превратились из желанных освободителей в ненавистных оккупантов.

Андрей Осокин три года прослужил переводчиком в разведуправлении в Кабуле. Он участвовал в допросах пленных душманов, писал протоколы и переводил документы. а потом был отозван в Москву на переподготовку в учебном центре ГРУ. Окончив годичные курсы, он вернулся в Афганистан и под легендой врача-инфекциониста отправился в отдалённый кишлак Фарум на афгано-пакистанской границе. Кишлак находился в горной долине у заброшенной дороги, когда-то входившей в состав Великого шёлкового пути. После прокладки современной трассы Кандагар-Кветта, старинная дорога, проходившая через опасные перевалы и ущелья, потеряла свою значимость и пришла в упадок. Новую жизнь в неё вдохнула афганская война. По древней дороге вместо шёлка и специй потекли оружие и боеприпасы для афганских моджахедов. Советским войскам стоило немалых усилий взять под свой контроль этот стратегически важный путь и закрыть его мощным блокпостом на выходе из узкого как бутылочное горлышко Южно-Какарского ущелья. После этой радикальной меры поток оружия текущий из Пакистана сократился, но не иссяк. Караваны тропили в горах новые обходные пути, и в этом им активно помогали местные проводники, а сотрудники местного Царандоя (*военной полиции*) только беспомощно разводили руками – мол, за всеми жителями не уследишь. Выполняя не только полицейские, но и пограничные функции, бойцы регулярно отправлялись в засады и рейды, но не находили в горах никого кроме пастухов. Со временем появилось небезосновательное подозрение, что Фарумский Царандой ведёт двойную игру и сам способствует безопасному прохождению караванов, но поймать двурушников за руку никак не удавалось. С целью разведки из Кандагара в Фарум регулярно направляли новых сотрудников, но те, то ли делали вид, то ли действительно ничего подозрительного не обнаруживали. Несколько с трудом завербованных секретных агентов из числа местных крестьян тоже клялись Аллахом, что в кишлаке нет ни одного душманского пособника. А тем временем караваны с оружием, несмотря на тщательно разработанный план “Завеса”, ловко обходили расставленные засады и текли через горные перевалы, словно вода через решето.

Фарум был довольно крупный и кишлак, имевший статус районного центра. В нём было более пятисот дворов, около семи тысяч жителей, две мечети, четыре чайханы, десяток магазинчиков, Народный совет, поселковая администрация, почтовое отделение, участок Царандоя, начальная школа и заброшенный медпункт. Когда-то в Фаруме работал присланный из Кандагара фельдшер, но во время активных боевых действий он то ли погиб, то ли попал в плен к душманам, и с тех пор здание медпункта пустовало, а местных жителей как встарь лечили знахари-травники. Осокин появился в кишлаке под эгидой государственной программы по борьбе с инфекционными заболеваниями. Вместе с ним в качестве медсестры прибыла Елена

Полухина. На самом деле, несмотря на свой довольно молодой возраст, она была опытным врачом-инфекционистом, сразу после института попавшим на работу в Среднюю Азию. В разведцентре Осокин получил навыки оказания первой медицинской помощи и прослушал курс лекций об инфекционных заболеваниях, но никаких практических навыков диагностики и лечения он, естественно, не имел. Восполнить этот пробел должна была Полухина. Вероятность того, что Осокин, проработавший три года в Кабуле, встретит в этом захолустье кого-нибудь из ненужных знакомых, была невелика, но на всякий случай он отпустил себе бороду и переделался в местную одежду: рубаху-перухан, жилетку-васкат и шапочку-паколь. Единственное чего не смог натянуть на себя Осокин это изар – необъятные пуштунские штаны, ширина которых намного превышает длину. Вместо них он оставил себе классические потёртые джинсы. Полухина, чтобы не привлекать к себе нездорового мужского интереса тоже переоблачилась согласно местным традициям в шаровары, длинную рубашку и хиджаб. Теперь советских медиков отличали от местных жителей только белые халаты, накинутые поверх традиционной одежды. К их приезду был восстановлен и отремонтирован разрушенный медпункт: приёмная, рабочий кабинет, две спальни, кухня, погреб и кладовая. Почищен колодец, восстановлены летний душ и уличный туалет. По местным меркам это было весьма комфортное и презентабельное жильё. Для передвижения по кишлаку и его окрестностям Осокин и Полухина ещё в Кандагаре предусмотрительно купили себе по велосипеду. В условиях местной жары это был не самый лучший вид транспорта, но ходить пешком тоже было нелегко, а содержание ишаков они посчитали слишком обременительным.

Обосновавшись на новом месте, новоявленные медики расклеили по всему кишлаку приглашения на прививки от гепатита, тифа, дифтерии, ветряной оспы и других инфекционных болезней. В первые три дня на вакцинацию в полном составе явились законопослушные работники поселковой администрации и другие госслужащие, а так же рота местного Царандоя – все семьдесят пять человек во главе со своим командиром капитаном Раджибом. Однако потом наступило затишье – ни на четвёртый, ни на пятый день, ни один дехканин не переступил порог медпункта. На шестой день, Осокин и Полухина, взяв с собой чемоданчики со шприцами и ампулами, сами отправились по домам. Никто из местных жителей не горел желанием добровольно прививаться, а тем более впускать русских докторов в своё жилище, но автомат сопровождавшего их бойца Царандоя работал лучше любой отмычки. Он заставлял местных жителей не только отворять двери, но и добровольно оголять плечи, животы и ягодицы. Осокин прививал мужчин и юношей, Полухина – женщин, девушек и детей. По легенде они ни слова не понимали на пуштунском языке, и поэтому врачей кроме сотрудника Царандоя сопровождал переводчик – единственный учитель местной школы и племянник главы районной администрации. Он четыре года отучился в Кандагарском университете, худо-бедно разговаривал по-русски и тактично сглаживал излишне крепкие выражения мнимых медиков. Осокин, прекрасно понимавший местную речь, внимательно прислушивался к разговорам и присматривался к интерьерам, однако ничего подозрительного кроме тихой ругани в адрес шурави и старых охотничьих ружей на стенах не услышал и не увидел. Словом, этот своеобразный подомовой обход кишлака никаких существенных результатов, кроме поверхностного знакомства с территорией, не дал.

Проникнуть в замкнутый мир местных жителей оказалось практически невозможно, к тому же начальник Царандоя капитан Раджиб для охраны советских медиков выставил у медпункта круглосуточный пост. А точнее, установил за ними неусыпное наблюдение. Охранник-соглядатай не только постоянно сидел во дворе или в приёмной, но и сопровождал чужаков при всех их передвижениях по кишлаку. Впрочем, передвигаться здесь было особо некуда. Местные жители сами в медпункт практически не заглядывали и вызывали врача только когда оказывались при смерти. Не будучи опытным диагностом, и не проведя необходимых анализов, точно определить от какой именно хвори погибает человек, было невозможно, и Осокин

выдавал всем одни и то же: лекарства: аспирин, анальгин, а в придачу ним активированный уголь. Иногда, по совету осторожной Полухиной, он добавлял хинин от возможной малярии. Как ни удивительно, но в большинстве случаев этот нехитрый лечебный комплекс срабатывал, и умирающий дехканин через несколько дней живой и здоровый появлялся на пороге медпункта с корзинкой гостинцев. Как правило, это были пресные лепёшки, каймак, варенье, сушёные и свежие овощи и фрукты. Но ни Осокин, ни тем более Полухина не рисковали дегустировать дары, принесённые человеком, едва вылечившимся то ли от дизентерии, то ли от брюшного тифа, и отдавали их своему дежурному охраннику. Чаще других, особенно ночью, на посту у медпункта стоял молодой боец по имени Халид с грустными и не по возрасту усталыми глазами. Осокин видел в этом своеобразное проявление местной дедовщины, но переводчик-учитель пояснил, что Халид пятый – самый младший сын в своей семье и ему нечем заплатить калым: выкуп за невесту. А так как он не женат, то и спешить ему не к кому. Именно поэтому Халида регулярно ставят на ночные дежурства. Впрочем, боец этим не сильно тяготился – ночью он крепко спал на кушетке в приёмной, а днём, собирая деньги на калым, за дополнительную оплату отсиживал вторую смену в медпункте или с другими бойцами отправлялся на патрулирование предгорий.

Надеясь услышать хоть какую-нибудь полезную информацию, Осокин по несколько раз посетил все четыре местные чайханы. Согласно легенде он владел пуштунским языком только в пределах армейского разговорника, однако и без того немногословные дехканы при появлении русского доктора настороженно замолкали. А после того, как услужливый чайханщик усаживал его на самое почётное гостевое место напротив входа, и вовсе вежливо покидали заведение.

Маясь от скуки и не зная, как подступиться к поставленной перед ним задаче, Осокин вспомнил про рыбалку. Это хобби появилось у него ещё во время службы в Таджикистане. Там на глухой горной заставе рыбалка в стремительной местной речке была единственным развлечением. Кишлак Фарум располагался в небольшой долине между рекой Гамбаль и старинной дорогой – давно заброшенным участком Великого Шёлкового пути. За дорогой поднимались предгорья хребта Тоба-Какар, где на альпийских лугах местные жители пасли свой скот и потаёнными тропами проходили оружейные караваны. А на левом плодородном берегу реки Гамбаль находились поля и огороды, в которых дехканы выращивали пшеницу, кукурузу, овощи и всякую зелень. А ещё дальше на южном краю долины находилась нетронутая целина, заросшая дикой коноплей и опийным маком. Именно эти самостийные посеы были основным источником доходов местных жителей. Ночные караваны, везущие моджахедам оружие и боеприпасы, возвращались в Пакистан с приобретённой в долине марихуаной и опиумом-сырцом. Благодаря проникающим с юга индийским муссонам, дожди в долине не были редкостью, и урожай вырастал отменный. Благодаря тем же муссонам и обильно тающим ледникам речка Гамбаль не пересыхала даже в самое знойное лето. Начинаясь где-то на недоступных горных вершинах, она причудливо петляла по Южно-Какарскому ущелью и вырывалась в долину шумным искрящимся водопадом. За тысячи лет водопад размыл под скалой кристально чистое, всегда холодное озеро, в котором водились форель, щука, голавль, вездесущие караси и другая мелочь. Именно туда, привязав к велосипедной раме нахлыстовую и пару поплавковых удочек, отправлялся на рыбалку Осокин. От кишлака до озера было почти пять километров, и он выезжал на своём велосипеде ещё затемно, когда дежуривший в медпункте Халид, спал в приёмной крепким молодым сном. Проснувшись, и не обнаружив в спальне доктора, а в чулане удочек, боец тоже сел на велосипед и изо всех сил крутил педали в сторону озера.

–Андрей, стоп! Нельзя! Опасно!– выкладывал он почти весь свой запас русских слов и, не зная, что Осокин прекрасно владеет пуштунским, добавлял несколько нелестных эпитетов в адрес тупого и непослушного шурави.

Осокин извинительно разводил руками и жестом предлагал Халиду следить за донными удочками, пока он, зайдя по колено в холодную воду, будет ловить рыбу внахлест. На самом

деле рыбалка на озере никакой опасности не представляла – выше по течению реки находился мощный советский блокпост, наглухо заткнувший узкую горловину Южно-Какарского ущелья, по другую сторону которого находился опасный и враждебный Пакистан. Формально ущелье являлось афганской территорией, но ни Царандой, ни советские бойцы туда не заходили, справедливо опасаясь возможной засады. Предостерегающим напоминанием о единственном неудачном рейде в сторону границы были несколько сгоревших БТРов и танков, навечно застрявших посередине злополучного ущелья. С блокпоста и озеро, и водопад были видны как на ладони, и Осокин чувствовал себя здесь в полной безопасности. К тому же по утрам сюда выходили порыбачить советские бойцы, и он мог свободно пообщаться с соотечественниками. Поймав несколько форелей, а если повезёт то и головля со щукой, Осокин по надвигающейся жаре отправлялся обратно. Халид, забрав пойманных на поплавковую удочку карасей, ехал следом и на чём свет стоит костерил русского доктора за этот абсолютно бессмысленный по его мнению утренний вояж. Местные жители никогда не ездили на озеро и не ловили рыбу на удочку, считая это пустой тратой времени. Они поочерёдно ставили сети возле своего кишлака и получали богатый улов без излишних напрягов.

Утренние поездки на озеро и тот факт, что у Халида нет денег на выкуп за невесту, натолкнули Осокина на мысль о старой как мир шпионской провокации, и однажды он предложил Полухиной отправиться вместе с ним на рыбалку. Та состроила удивлённые глаза и категорично заявила, что не намерена ни свет, ни заря тащиться за пять километров ради такого сомнительного удовольствия. Тогда Осокин принялся красочно расписывать ей неповторимые пейзажи горного водопада и прохладу кристально чистого озера. Полухина, как профессиональный инфекционист, опасалась плавать возле кишлака в реке, которая протекая по глубокому глинистому руслу, насыщалась мутной коричневой взвесью и, вероятно, содержала различные бактерии. Перспектива искупаться в прозрачной горной воде перевесила всевозможные дорожные неудобства, и она согласилась. Ради своей любимшей поспать напарницы Осокин отсрочил выезд почти на два часа, и медики сели на велосипеды, когда медное афганское солнце уже поднялось над снежными вершинами Тоба-Какара. Проснувшийся к этому времени Халид, привычно ругаясь, направился следом за ними. Когда велосипедисты добрались до озера, пот с них стекал в три ручья.

–Слава богу, наконец-то добрались!– облегчённо выдохнула Полухина, стягивая с себя бесформенную рубашку и необъятные шаровары – душающий хиджаб она сняла, едва выехав из кишлака.

Отставший и только что подъехавший Халид, увидев такой стриптиз, едва не свалился с велосипеда. Он привык, что местные жители, как женщины, так и мужчины купаются в реке, не снимая верхней одежды. Обнажиться при постороннем по законам шариата большой грех. А тут белая женщина совершенно бесстыже стояла перед ним в миниатюрном бикини на завязках-бантиках. Разинув рот, он остолбенело пялился на новоявленную наяду. Солдаты, рыбачившие на другом берегу озера, наоборот, заметно оживились, что-то закричали и жестами стали зазывать Полухину к себе. Та, видя произведённый ею фурор, смущённо улыбнулась, торопливо зашла в воду и ленивым брассом поплыла к водопаду. Осокин, отметив грациозную стройность своей напарницы, скинул мокрую от пота одежду и размашистым кролем направился вслед за ней. Добравшись до водопада, Полухина остановилась и, пытаясь нащупать ногами дно, с головой ушла под воду – за сотни веков низвергающаяся со скалы вода выточила в каменистом дне глубокую впадину. Через пару секунд она вынырнула и, демонстративно стуча зубами, обратилась у догнавшему её Осокину:

–А водичка-то холодненькая!

–А я и не обещал тебе ни Ялту, ни Сочи!– отшутился тот.

Медики не рискнули заплывать под падающие с многометровой высоты струи воды, а обогнули их со стороны скалы и направились обратно к своему берегу. Покрывшаяся “гуси-

ной кожей Полухина” бодро растёрлась махровым полотенцем, смазала лицо и тело кремом от загара, а потом протянула тюбик Осокину:

–Намажь мне спину.

Тот выдавил на ладонь липкий белёсый гель и с трепетом прикоснулся к лопаткам медсестры. Осокин уже почти полтора года не дотрагивался до женщин. Во время службы в Кабуле у него были несерьёзные романы сначала с поварихой из офицерской столовой, а потом со штабной телефонисткой, но в Московской разведшколе царила жёсткая дисциплина, и было не до того, а в Фаруме доступных женщин попросту не было. Полухину Осокин воспринимал исключительно как сослуживицу, никого мужского интереса к ней не проявлял и за три месяца даже не поинтересовался замужем она или нет. Полухина вела себя так же индифферентно и не позволяла себе никакого кокетства. Но теперь, ощутив мягкое тепло молодой женской кожи, Осокин почувствовал давно забытое возбуждение. Массирующими движениями он смазал Полухиной лопатки и поясницу, а потом плавно перевёл липкую от крема ладонь на её бедро. Женщина не только не убрала его обнаглевшую руку, но даже наоборот, нежно погладила её в ответ. Ободрённый таким авансом Осокин прижался к её спине и второй рукой обнял за отвердевшую грудь. Полухина в свою очередь возбуждённо вздохнула, чуть отступила назад, прижалась упругими ягодицами к набухшему под плавками мужскому члену, и пропустила свободную руку Осокина себе между ног. Возбуждённый мужчина, ощущая сквозь тонкую ткань разгорячённую женскую плоть, сделал несколько трущихся движений и неожиданно быстро кончил прямо в плавки. Судя по приглушённому стону, Полухина через пару секунд тоже испытала оргазм и, оторвавшись от своего спонтанного партнёра, утомлённо рухнула на полотенце. Рыбачившие на другом берегу солдаты отчаянно засвистели, требуя продолжения этого неожиданного эротического шоу, а очумевший от такой невиданной порнографии Халид торопливо скрылся за лежавшим неподалёку огромным валуном. Осокин ополоснулся, расставил поплавковые удочки и, зайдя по колено в воду, стал невозмутимо забрасывать нахлёт. Полухина закрыла глаза и, казалось, задремала. Вернувшийся из-за валуна Халид, не глядя в сторону медиков, устался на замершие поплавки.

Через полчаса, когда Осокин уже поймал три небольшие форели, Полухина открыла глаза, поднялась с полотенца и, расслабленно покачиваясь, зашла в воду.

–Поплаваем?– предложила она.

Осокин молча кивнул, отбросил на берег нахлыстовую удочку и вслед за женщиной поплыл к водопаду. У срывающейся с обрыва водяной стены Полухина остановилась и, не оборачивая головы громко произнесла:

–Ты не подумай, что я какая-нибудь блядь. Просто у меня давно не было мужчины!

–У меня тоже полтора года не было женщины!– перекрывая шум водопада, прокричал Осокин.

–Тогда будем считать, что между нами ничего не было!

–А разве между нами что-то было?!– невозмутимо согласился Осокин.

На самом деле такой вариант его совсем не устраивал. Для исполнения плана по вербовке Халида нужны были крайне доверительные и очень близкие отношения с Полухиной. Формально медсестра была его непосредственной подчинённой, и Осокин мог просто приказывать, но ему не хотелось насильно втягивать женщину в чрезвычайно грязную и рискованную авантюру. Однако вопреки его опасениям Полухина довольно легко пошла на сближение сама. Ближайшее воскресенье после их поездки на озеро было Днём медика, и она первая предложила отметить этот праздник. Застолье наметили на вечер, когда малознакомого дневного дежурного должен сменить привычный медикам Халид.

Восстановленный медпункт был оборудован газовой плитой, работавшей на привозных баллонах, и Полухина напекла экзотичные для Центральной Азии дрожжевые пирожки с мясом, рисом, луком, морковкой и курагой. А Осокин купил у соседей молодого барашка

и замариновал шашлык. Когда кишлак накрыли душные летние сумерки, и на смену дневному дежурному пришёл привычный Халид, по медпункту поползли дразнящие запахи свежей выпечки и жареного мяса. Стол накрыли в приёмной под навевающим иллюзию прохлады потолочным вентилятором. Тщательно накрашенная и уложенная Полухина надела голубое хлопчатобумажное платье с подолом выше колен, рукавами-фонариками и широким прямоугольным декольте. Осокин тоже сменил свой пуштунский наряд на европейскую одежду – белую рубашку-сафари и новые тёмно-синие джинсы. По случаю праздника он выставил на стол помимо разведённого спирта привезённую из Ташкента бутылку шампанского. Со спиртным в Афганистане были большие проблемы. Если водку ещё можно было приобрести в крупных областных военторгах, то шампанское и сухое вино в свободной продаже практически не появлялось. Их доставали по знакомству, либо покупали из-под прилавка за внешторговые чеки. Зная это, Осокин пред отлётом в Кандагар предусмотрительно захватил из узбекской столицы несколько бутылок шампанского: на свой день рождения, Новый год и другие возможные праздники. Ближайшим праздником оказался День медика.

Немного выпив-закусив, Осокин предложил Полухиной пригласить к столу Халида. Та сначала категорично отказалась, но выпив полбутылки шампанского согласно кивнула головой. Осокин выглянул за дверь и призывно махнул рукой молодому бойцу, сидевшему под навесом у входа во двор. Никаких словесных приглашений не потребовалось – манящие запахи еды говорили сами за себя, и Халид заторопился к медпункту так, словно только этого и ожидал. Сев за стол напротив медиков, он скромно склонил голову, сложил руки у груди и вполголоса прочитал короткую молитву. Потом положил на свою тарелку несколько диковинных дрожжевых пирожков и налил стакан холодного компота. Когда молодой человек немного перекусил, Осокин налил себе в кружку разбавленный спирт, а оставшееся шампанское разлил по двум стаканам. Один – налитый наполовину – предназначался Полухиной, другой – наполненный до краёв – был предложен Халиду. Тот, увидев протянутое ему вино, отрицательно замотал головой и энергично открестился руками:

–Хароб! Нельзя!

–Можно! Эджеза!– настаивал на своём Осокин, указывая на изображённую на этикетке виноградную кисть.– Грейп! Кха! Хорошо!

–Хароб! Хароб!– упрямо повторял молодой человек.

Осокин уже почти отступил и собрался поставить протянутый стакан на стол, когда в дискуссию неожиданно вступила Полухина. Она забрала шампанское у своего формального начальника и с обезоруживающей улыбкой протянула его Кариму:

–Совет грейп кола! Кха! Хорошо!

–Грейп кола?– недоверчиво уточнил молодой человек, глядя то на шипящие пузырьки, то на радушно улыбающуюся Полухину.

–А! Кола! Совет кола!– уверенно подтвердила та.

Обворожительная улыбка белой женщины сделала своё дело – Халид не устоял перед соблазном. Он взял предложенный стакан, чокнулся с медиками, сделал несколько осторожных глотков и закусил сладким пирожком с курагой. Через несколько минут молодой человек расслабленно улыбнулся, приподнял недопитый стакан и, вожаденно глядя на глубокое декольте Полухиной, сам предложил выпить за здоровье шурави. По такому поводу обрадованный Осокин достал ещё одну бутылку шампанского, окончательно стёршую всякую субординацию между медиками и их охранником. Непривычно захмелевший Халид на пуштунском языке стал признаваться в любви ко всем шурави в целом и к русским докторам в частности. Осокин удовлетворённо кивал головой, а разомлевшая от шампанского Полухина благоклонно позволила молодому человеку погладить себя по руке. Обалдевший от такой вольности Халид достал из кармана кисет и по-дружески предложил радушным хозяевам забить по косяку местной конопли. Осокин ещё в первый год в Кабуле попробовал и анашу, и гашиш, но

вместо удовольствия получил только тяжёлый отходняк, и с тех пор местными стимуляторами не баловался. Он отрицательно помотал головой и буквально на пальцах объяснил Халиду, что в медпункте наркотикам не место. Тот понимающе кивнул, вышел во двор, и через минуту в открытое окно потянуло горчаще-терпким запахом марихуаны. Осокин вставил в японскую магнитоу кассету Челентано, и в медпункт наполнили романтично-щемящие аккорды “Soli”. Он обнял Полухну за талию, та положила ему руки на плечи и медики, прижавшись друг к другу, неторопливо закружились вокруг стоящего посреди приёмной стола. Осокин нежно целовал свою партнёршу в шею и в ухо, а та учащённо дышала и отвечала неглубокими поцелуями в губы. От более откровенных ласк их удерживало близкое присутствие Халида. Однако время шло, кассета закончилась, а охранник не возвращался. Обеспокоенный Осокин выглянул во двор. Молодой человек безмятежно посапывал, сидя на корточках возле двери медпункта. Рядом стоял приставленный к стене автомат, а у ног валялась, докуренная до деревянного мундштука самокрутка. Осокин несколько раз толкнул своего заснувшего охранника в плечо, но тот что-то сонно промычал и завалился на бок. Врач собрался взять отрубившегося Халида под мышки и перетащить на его любимую кушетку, но вышедшая из приёмной Полухина остановила его.

– Не надо. Пусть спит здесь, – шёпотом попросила она и направилась в летний душ.

Осокин последовал за ней.

Из душа обнажённые любовники, взявшись за руки, вернулись в спальню Полухиной.

Они ещё не уснули, когда на рассвете скрипнула входная дверь и в приёмной раздались неуверенные шаркающие шаги. Это Халид по привычке шёл проверять на месте ли русский доктор. Если Осокина поутру в комнате не оказывалось, то он садился на велосипед и торопливо мчался на озеро. К спальне Полухиной молодой человек, соблюдая строгие мусульманские законы никогда не приближался. Чтобы предотвратить бесполезную поездку к водопаду и последующие бессмысленные поиски, Осокин высунулся из-за плотного войлочного полога, заменявшего межкомнатную дверь и, приветственно помахав рукой, вполголоса произнёс:

– Салам алейкум.

– Салам... – растерянно прошептал всклокоченный спросонья и с похмелья Халид.

На его глазах происходило небывалое – мужчина ночевал в спальне абсолютно чужой ему женщины и даже не пытался этого скрыть. За такой грех по законам шариата их обоих ожидало побивание камнями. Но как говорил местный мулла, у шурави была своя сатанинская вера, и это откровенное прелюбодеяние подтверждало его слова. Впрочем, он и сам поддался дьявольскому искушению – выпил вина. А правоверному мусульманину нельзя даже смотреть на алкоголь. По словам старейшин, спиртные напитки лишают человека разума и пробуждают в его душе злых духов – иблисов. Однако, выпив шампанского, Халид испытал не злобу и ярость, а приятное расслабление и эйфорию. И непреодолимую тягу к белой медсестре. Четыре дня назад на озере, глядя, как она почти голая бесстыже обнимается с Осокиным, Халид не выдержал нахлынувшего возбуждения и, отойдя за огромный валун, удовлетворил себя рукой. Вчера, погладив женщину по руке, он вышел покурить во двор и сделал то же самое. Это тоже был грех, но Халид к нему привык. В двадцать два года у него ещё ни разу не было женщины, и в перспективе ничего не намечалось. Халид был младшим сыном в своей семье, у него имелось четыре старших брата и ни одной сестры. Вернее, они когда-то были, но умерли в младенчестве от различных местных болезней. И это было очень плохо. Девочка приносила в родительский дом калым, который можно было в свою очередь потратить на выкуп невесты для сына. Но у родителей Халида девочек не было, и на калым для старших братьев ушло почти всё имущество некогда зажиточной семьи: бараны, коровы, поле, огород, домашняя утварь, ковры и две трети опийно-конопляной плантации. Но и этого хватило только на то, чтобы его братья породнились с очень скромными и небогатыми семьями. И не имевшего ни гроша Халида ожидала не менее печальная участь. За несколько лет службы в Царандое он сможет

скопить выкуп только за какую-нибудь нищую перезрелую невесту, на которую не польстился ни один немощный вдовец. И всю оставшуюся жизнь проведёт в холодных объятьях какой-то страшили, которая, умножая нищету, будет регулярно приносить ему детей. И хорошо, если это будут девочки – за них можно будет получить какой-никакой калым и лет через двадцать купить себе вторую – молодую и красивую жену. А если, наоборот? Об такой перспективы хотелось наложить на себя руки...

Халид, как всякий нормальный молодой человек, желал беззаботной обеспеченной жизни в обществе красивой жены и ухоженных детей, и единственным путём в это светлое будущее была удачная женитьба. Но в его родном кишлаке это было невозможно. Здесь Халида ожидала либо копеечная и бесперспективная служба в Царандое, либо каторжный крестьянский труд. От этих мрачных мыслей его оторвал протяжный голос муэдзина, призывавшего к утреннему намазу. Карим вышел во двор, повернулся лицом на юг в сторону предполагаемой Мекки, поднёс ладони к лицу, раздвинул пальцы и, коснувшись мочек ушей, смиренно произнёс:

–Аллах акбар.

Такой исход Дня медицинского работника вполне удовлетворил Осокина, и на следующий день он изложил Полухиной свой план дальнейших действий. Та, как положено порядочной женщине сначала наотрез отказалась от предложенной авантюры, но когда её начальник всё же решился на жёсткий “силовой” приём и заявил, что это не просьба, а приказ с тяжёлым вздохом согласилась отпраздновать через неделю свой вымышленный день рождения. Свой жёсткий кнут Осокин подкрепил сладким пряником – пообещал Полухиной в случае успешного выполнения задания досрочное присвоение звания капитана медицинской службы.

Когда в следующее воскресенье Халид пришёл на очередное ночное дежурство, в медпункте вновь соблазнительно пахло дрожжевыми пирожками, жареным мясом и запечённым в золе картофелем. На этот раз специально приглашать вечно голодного молодого человека не понадобилось. Зайдя в медпункт, Халид вежливо поздоровался, разулся, снял с плеча неизменный автомат и сам подошёл к столу.

–Байрам! Дэрш!– пояснил Осокин и, указав на сладкий пирог с выложенной надписью “30 лет”, разлил по стаканам шампанское, в которое предусмотрительно добавил немного медицинского спирта.

–Совет кола?– смущённо улыбнувшись, уточнил Халид.

–А! Кола!– уверенно подтвердил Осокин.– С днём рождения!

Потом он чокнулся с Полухиной, осушил до дна свой стакан и смело поцеловал мнимую именинницу в губы. Халид тоже стукнулся с медсестрой, сделал несколько глотков и хотел поставить недопитый стакан на стол, но та возмущённо замахала руками:

–На! Хароб! За здоровье надо пить до дна!

Полухина энергично подняла полуопущенную руку Халида и буквально силой влила в него остатки игристого напитка. А потом вызывающе-дерзко поцеловала молодого человека в губы. Халид впервые в жизни почувствовавший обжигающий жар женского языка, растерянно захлопал глазами и опустошённо осел на своё место. Несколько минут он машинально жевал пирожки, а потом почувствовал приятное расслабление и выпил с русскими докторами ещё полстакана шампанского. Через полчаса Халид вышел на крыльцо, привычно забил косяк конопли, а когда вернулся к столу, то Осокин куда-то исчез, и он оказался наедине с Полухиной. Молодому человеку захотелось ещё раз поцеловать обворожительную медсестру. Он сел рядом с ней на место Осокина, сам разлил в два стакана остатки шипучего вина и чокнулся с псевдоименинницей. Та улыбнулась, допила вместе с Халидом шампанское и снова поцеловала его в губы. Осмелевший молодой человек одной рукой обнял медсестру за талию, а другую просунул под её блузку. Полухина не сопротивлялась, и через минуту Халид провалился в сладкий любовный дурман.

Очнулся он от истеричного женского крика:

–Идиот! Ты что наделал?! Ты же мне всё порвал!

Халид испуганно приоткрыл глаза и тут же захотел их снова закрыть. Он совершенно голый лежал на кровати Полухиной, а та тоже совершенно голая сидела рядом и, прикрыв лицо руками, рыдала взахлёб. Бёдра и живот медсестры были испачканы подсохшей кровью, а на груди алели отпечатки чьих-то ладоней. Халид ошеломлённо посмотрел на самого себя. Его член, низ живота и руки тоже были измазаны запекшийся кровью. Молодой человек, никогда не знавший женщины, понял, что совершил что-то страшное.

–Это не я... Я не виноват...– испуганно залепетал Халид.

–Придурок! Ты знаешь, что тебе за это будет?!– разъярённо выкрикнула Полухина.– Андрей, помоги мне!

Войлочная кошма, заменявшая в комнате входную дверь, отодвинулась, и на пороге появился одетый в военную форму Осокин. В одной руке у него был пистолет, в другой “Полароид”. Ожидаящий неминуемого выстрела Халид скукожился в три погибели и зажмурил глаза.

Однако вместо выстрела он услышал абсолютно правильную пуштинскую речь:

–Ты понимаешь, что теперь тебя ожидает?

Молодой человек обречённо кивнул головой. И по законам шариата и по законам шурави его ожидала если не смерть, то страшный Кандагарский зиндан, из которого, если кто и выбирался живым, то уж точно оставался искалеченным на всю оставшуюся жизнь.

–Встань!– властно приказал Осокин.

Халид покорно поднялся с кровати и вытянул руки по швам. Осокин убрал пистолет в кобуру и деловито защёлкал “Полароидом”, выбирая ракурсы так, чтобы в кадр попадали и голый Халид и окровавленная Полухина. Отсняв несколько кассет, он разложил обличительные фотографии прямо на глиняном полу и ультимативно обратился к Халиду:

–Кому мне их первому показать? Вашему капитану Раджибу или нашему особисту?

–Не надо Раджибу...– чуть слышно пролепетал молодой человек.

–Значит, ты предпочитаешь советские законы? А ты знаешь, что у нас полагается за изнасилование с тяжкими последствиями?

–Но я не насиловал,– робко попытался оправдаться Халид.– Она сама...

–Она сама?– угрожающе повысил голос Осокин.– Сама порвала себе внутренние органы? Сама трахнула себя в задний проход? Сейчас я, как врач, зафиксирую все травмы, и мы поедем в военную прокуратуру в Кандагар.

–Не надо в Кандагар...

–Тогда я зову капитана Раджиба. Он будет тебе и прокурором, и адвокатом и судьёй.

–Не надо Раджиба...

–В Кандагар не надо, Раджиба не надо. А что надо?

–Ничего не надо. Хотите, я вам денег дам,– заискивающе пролепетал Халид и, не раздумывая, предложил все свои сбережения – триста афгани, шестьдесят рублей, сорок пять чеков и тридцать семь долларов.

–А ты, оказывается, богатенький Буратино,– снисходительно съязвил Осокин.

–Я не Буратино,– испуганно замотал головой молодой человек, никогда не слышавший об этом детском персонаже.– И я совсем не богатый...

–А как же тридцать семь долларов?– уточнил врач, намекая на то, что эти деньги по местному курсу перевешивали все остальные накопления Халида.– Откуда они у тебя?

–Я продал мак...

–И кому же ты его здесь продал за доллары?– с наигранным удивлением поднял брови Осокин.

–Капитану Раджибу,– понуро признался Халид.

–А я думаю, что капитан Раджиб заплатил тебе эти деньги за сопровождение караванов с оружием,– вполне резонно предположил контрразведчик.

–Меня не берут в сопровождение. Я слишком молодой. Я должен следить за вами,– попытался оправдаться Халид и, поняв, что проговорился, испуганно зажал рот рукой.

–А вот это уже очень интересно. Собирайся, поедem в оперчасть в Кандагар.

Осокин сложил в планшет полароидные фотографии и бросил молодому человеку его одежду. Тот проворно натянул необъятные пуштунские шаровары и длинную рубаху-перухан, а потом рухнул на колени и с силой ударился лбом о глинобитный пол.

–Не надо в Кандагар! Я молодой – я хочу жить! Я для вас всё что угодно сделаю!

–И что ты можешь для меня сделать?– оценивающе-холодно спросил Осокин.

–Всё, что прикажите! Хотите, я убью капитана Раджиба?

–Вот этого не надо. Мне нужна точная информация о караванах с оружием, а её у тебя нет...

–Нет,– обречённо согласился Халид.– Меня не берут в сопровождение.

–А почему тебя не берут?

–За это платят хорошие деньги. А я ещё молодой. У меня нет ни жены, ни детей. В отряде считают, что мне лишние деньги ни к чему.

–Тогда женись,– легковесно предложил Осокин.

–Но у меня нет денег на калым,– смущённо признался Халид и буквально со слезами на глазах рассказал историю своей семьи.

–И сколько сейчас стоит хорошая невеста?– насмешливо поинтересовался Осокин, выслушав душещипательный рассказ молодого человека.

–Очень дорого. Караванщики не только платят проводникам за прикрытие. Они ещё и покупают мак. И за всё платят долларами. Люди буквально помешались на этих зелёных бумажках. Самая дешёвая невеста стоит четырёхста баксов. А капитан Наджиб хочет за свою младшую дочь вообще пять тысяч.

–И у вас есть такие богачи?

–У нас нет. Но богатые люди есть в Кандагаре и в Пакистане. Многие хотят породниться с начальником Царандоя.

Капитан Раджиб был потомственным начальником. Его предки издавна руководили богатой Фарумской таможней. Но с прокладкой трассы Кандагар-Кветта торговля в Тоба-Какарском ущелье заглохла, и дед Раджиба возглавил образованный в кишлаке отряд пограничной стражи. От деда эта должность по наследству перешла к отцу, а потом и к самому Раджибу. В начале Гражданской войны кишлак захватили моджахеды, и присягнувший Кармалю капитан вместе со своей семьёй бежал в Кандагар. Когда советские войска отбили Фарум и установили контроль над ставшим стратегически важным ущельем, Раджиб вернулся в кишлак в должности начальника Царандоя – новой силовой структуры, совмещавшей в себе функции пограничной стражи, полиции и контрразведки. Несмотря на то, что формально власть в Фарузе принадлежала Народному совету, состоявшему из самых уважаемых жителей, реальным хозяином кишлака был капитан Раджиб. И возможность стать его зятем Халиду даже не снилась.

–А у тебя есть богатые родственники?– задумчиво спросил Осокин.

–Откуда?– картинно округлил глаза молодой человек.– У отца был какой-то двоюродный дядя, торговавший специями на кабульском базаре. Ещё до первой революции он покупал у нас перец, куркуму, имбирь и мак. Но дядя уже лет десять не приезжает и ничего не пишет. Может, он уже умер...

–Дядя в Кабуле. Это очень хорошо,– оживился контрразведчик и достал из планшета чистый лист бумаги и шариковую ручку.– Пиши.

–Что писать?– растерянно спросил окончательно запутавшийся Халид.

–Соглашение о сотрудничестве. Я, Халид Казар, рядовой боец одиннадцатой роты народного Царандоя провинции Кандагар добровольно соглашаюсь на сотрудничество с Разведывательным управлением Сороковой армии. Обо всех известных мне случаях нарушения законности обязуясь сообщать оперуполномоченному по Фарузскому району капитану Андрею Васильевичу Осокину. Дата, подпись.

–А без этой бумаги на словах договориться никак нельзя?– буквально взмолился молодой человек, не желавший подписывать свой собственный смертный приговор.

–Без этой бумаги можно отправиться только в Кандагарскую прокуратуру,– жёстко отрезал Осокин.– Пиши, а я пока зафиксирую нанесённые тобой травмы.

Он достал ещё один лист бумаги и повернулся к изображавшей невероятные страдания Полухиной:

–Ну, что тут у тебя?

Та молча раздвинула ноги, и Осокин озадаченно протянул:

–Это же надо такое сотворить...

Полухина едва удержалась от расправившего её смеха, а морально уничтоженный Халид, словно ожидая удара, испуганно втянул голову в плечи и, сидя на полу, прямо на колене стал торопливо писать соглашение о сотрудничестве. Через полчаса в планшете у Осокина появились два новых важных документа: акт медицинского осмотра потерпевшей медсестры Полухиной и соглашение о сотрудничестве с его новым и пока единственным агентом Халидом Казаром. Первоначально капитан хотел назвать его как-нибудь устрашающе – гюрзой или коброй. Но по достоинству оценив его доверчивость и наивность, решил дать псевдоним Буратино. Отправив Халида отмываться от крови в летний душ, Осокин рассказал о его новом рабочем прозвище Полухиной. Та в ответ задорно рассмеялась:

–Действительно, такой же простофиля!

–Бывает, что от подобных простофиль бед не оберёшься,– философски резюмировал контрразведчик.

Тогда он и предположить не мог, насколько пророческими окажутся эти слова.

Когда приведшего себя в порядок Халида сменил мрачный старик Маджар, Осокин добавил к лежащим в планшете документам флажку с медицинским спиртом и в сопровождении нового охранника отправился к ущелью на советский блокпост. Оставив навязанного соглядатая на контрольно-пропускном пункте, он прошёл в кабинет своего непосредственного начальника – майора-особиста Сергея Егорова. Вышел от него Осокин только через три часа – заметно выпивший и вполне довольный. Получив у гарнизонного врача лекарства, спирт и расходные материалы для своего медпункта, он, выписывая на велосипеде замысловатые кренделя, кое-как с помощью своего охранника вернулся в Фарум. В медпункте Осокин выпил ещё полстакана спирта, рухнул на кровать и проспал мертвецким сном до завтрашнего утра.

Следующие две недели и он и Полухина вели себя с Халидом так, словно между ними абсолютно ничего не случилось. А потом отец молодого человека получил неожиданное письмо от дяди Омара из Кабула. Тот сообщал, что очень серьёзно болен и хочет перед смертью увидеть любимого двоюродного племянника. Отец Халида моментально собрался, сел в заменявшую рейсовый автобус шашпай-арбу (*ЗИЛ-130*) и уехал сначала в Кандагар, а оттуда в Кабул. Вернулся он почти через месяц, не зная то ли радоваться, то ли печалиться. Оказалось, что дядя Омар действительно находится при смерти, а прямых наследников у него не осталось: одни погибли в Революцию и Гражданскую войну, другие ушли в моджахеды и находятся неизвестно где – то ли в горах, то ли в Пакистане. Предчувствуя неминуемую кончину, старик продал свой довольно доходный бизнес, а вырученные деньги решил раздать уцелевшим родственникам. Одним из таких счастливиц оказался отец Халида, у которого дядя Омар ещё до Революции взял на реализацию специи и опийный мак, а деньги в наступившей сумятице так и не вернул. Возвращённая дядей сумма оказалась совершенно фантастическая – целых

пять тысяч долларов! Халид, сияя как медное афганское солнце, в ближайшее дежурство рассказал об этом чуде Осокину и, словно ожидая пояснений, вопросительно посмотрел на своего куратора.

–Считай, что ты выиграл в лотерею,– невозмутимо прокомментировал тот.– Теперь беги сватать дочь своего капитана.

На следующий день отец Халида, одев купленную в Кабуле новую праздничную одежду, отправился свататься к начальнику Царандоя. Всемогущий капитан Раджиб вовсе не горел желанием породниться с малоимущими Казарами, но пять тысяч баксов наличными оказались решающим аргументом в пользу нестатусного брака. Резонно решив, что синица в руках лучше, чем журавль в небе, он дал своё согласие на этот мезальянс.

После свадьбы Халид стал дежурить в медпункте гораздо реже – всего один-два раза в неделю и то исключительно в дневное время. Теперь он получил повышение – стал сержантом и начал выходить на патрулирование предгорий. В одно из таких редких дежурств Осокин отозвал молодого человека в свою комнату и безапелляционно объявил:

–Пора отрабатывать полученные деньги.

–Какие деньги?– наивно удивился Халид.

–Те, которые ты получил от дяди Омара. Или ты думаешь, что он действительно оставил твоему отцу такое сумасшедшее наследство в счёт какого-то столетнего долга?

Молодой человек понуро пожал плечами и удручённо спросил:

–А что мне надо делать?

–Ты сопровождаешь караваны?

Халид смущённо замялся и ничего не ответил.

–Так ты сопровождаешь караваны?– повторил свой вопрос Осокин.

–Да,– чуть слышно признался молодой человек.

–Как часто они идут?

–Почти каждую неделю,– с трудом выдавил из себя Халид.

–Что везут?

–Всё. Автоматы, пулемёты, патроны, консервы...

–Автоматы Калашникова?

–Да. Китайские. Говорят, они гораздо хуже ваших.

Осокин удовлетворённо кивнул головой, а потом достал из медицинского шкафа несколько автоматных рожков и положил их на стол.

–Возьми и спрячь дома, а один всегда носи с собой. При встрече следующего каравана, незаметно засунь рожок в сумку с боеприпасами. Остальное не твоя забота. За каждый караван будешь получать по сто долларов.

–А если меня заметят?

–Старайся, чтобы не заметили. И не делай глупостей – помни о фотографиях и согласии на сотрудничество.

–Я помню...

–Всё – свободен.

Ссутулившийся Халид вялой шаркающей походкой отправился на свой пост под навесом у входа в медпункт.

–Выше голову, молодежь!– ободряюще крикнул ему вслед Осокин.

Окончательно запутавшийся молодой человек воспринял такое ободрение как откровенную издёвку и, выйдя за дверь, в сердцах плюнул на порог.

Караванчики использовали проводников, не потому что плохо знали местность и боялись заблудиться, а как дополнительную охрану и разведку. Караваны передвигались исключительно ночью, а днём прятались от советских разведгрупп и вертушек в горных пещерах, ущельях или небольших кишлаках. Тем временем местные проводники, чаще всего из

числа пастухов, “прощупывали” предстоящий ночной переход в поисках возможной засады. Наткнувшись на правительственных солдат или советский спецназ, они сообщали об этом караванщикам и те либо меняли маршрут, либо ждали пока патруль не уйдёт на другой участок. Лучшими проводниками были подкупленные бойцы Царандоя. Они, не вызывая никаких подозрений, свободно передвигались по горам и днём и ночью и без промедлений предупреждали караванщиков об обнаруженной ими засаде.

Капитан Раджиб помогал душманам не столько из-за денег, сколько из-за страха. Он никогда не имел никаких политических убеждений и с лёгкостью признавал любую власть. Двадцать лет назад, начиная службу в пограничной страже, Раджиб присягнул на верность королю Захир Шаху. В семьдесят третьем году после государственного переворота сразу же признал президентом бывшего премьер-министра Мухаммеда Дауда. После Апрельской революции и публичной казни диктатора Дауда он поочерёдно поклялся в верности лидерам Народно-демократической партии – сначала Мухаммаду Тараки, а потом его палачу Хафизулле Амину. После убийства самого Амина и прихода к власти просоветского Бабрака Кармаля в стране началась полномасштабная гражданская война. Капитан Раджиб как всегда выбрал сторону очередного кабульского правительства и не прогадал. Правда, когда в кишлаке вспыхнул бунт против новой власти, ему с семьёй пришлось поспешно бежать в Кандагар. Но уже через пару месяцев он вслед за советскими солдатами вернулся в родной Фарум и возглавил новую силовую структуру – Царандой. Эта должность и семьдесят пять хорошо вооружённых бойцов делали капитана Раджиба реальным и полновластным хозяином района.

Капитан наслаждался своим всемогуществом почти год – до тех пор, пока в его кабинет не зашёл один из местных старейшин и сообщил, что сегодня ночью в заброшенном караван-сараяе на окраине кишлака его будет ждать один очень уважаемый человек. На встречу надо идти одному и без оружия. Раджиб хотел было послать к чёрту и старика и его таинственного гостя, но какой-то внутренний голос остановил его от этого опрометчивого шага, и ночью он в одиночку отправился в указанное место. В полуразрушенном караван-сараяе его действительно ожидал некогда очень уважаемый человек – бывший начальник Кандагарской полиции полковник Башимкар. Ещё в семьдесят девятом году он не принял Апрельскую революцию, поднял в городе неудачный мятеж и после его подавления бежал в Пакистан. С началом Гражданской войны он возглавил местных джихадистов, попытался снова захватить власть в Кандагаре, но потерпел сокрушительное поражение от советских войск и теперь скрывался где-то в горах. Несмотря на то, что по слухам в его отряде оставались не более двадцати плохо вооружённых и не представляющих реальной опасности бойцов, уничтожение банды Башимкара являлось основной задачей Фарумского Царандоя. Однако капитан Раджиб, жалея собственных солдат и не желая вступать в открытое боестолкновение, поисками мятежного полковника практически не занимался. И вот теперь Башимкар тоже один и с пустыми руками стоял перед ним собственной персоной. Он вежливо поздоровался и самоуверенно произнёс:

–Капитан, мне нужна твоя помощь.

Раджиб, наивно подумав, что полковник решил сложить оружие и пришёл обговорить какие-то условия капитуляции, так же твёрдо ответил:

–Я тебя слушаю.

–Мне нужны проводники.

–Кто?– недоумённо уточнил капитан – ему показалось, что он ослышался.

–Твои проводники для наших караванов,– флегматично пояснил Башимкар.– Два раза в месяц на два ночных перехода от Фарума до Лагата или Баладая. Я плачу хорошие деньги – по пять долларов каждому бойцу и пятьдесят лично тебе. А ещё я буду покупать у вас мак и коноплю.

Раджиб буквально позеленел от такой наглости.

–Ты понимаешь, кому ты это предлагаешь?! Я думал, что ты пришёл сдаваться!

–Сдаваться?– дерзко рассмеялся Башимкар.– Да у меня бойцов сейчас больше чем в твоём собачьем Царандое. И весь кишлак поддерживает меня. Если я прикажу – вас всех как мух перебьют за полчаса.

–И тогда шурави уничтожат кишлак,– резонно возразил Раджиб.

–Шурави как пришли, так и уйдут. А мы здесь навсегда. Сколько в Кабуле было в последние годы правителей? Захир Шах, Дауд, Тараки, Амин. И где они теперь? Вашему Кармалю тоже недолго осталось. Ты хочешь, вместе со своей семьёй, отправится в ад вслед за ними?– популярно обрисовал перспективу Башимкар.

–Не смей трогать мою семью!– вскипел капитан.

–А почему я не должен её трогать?– ухмыльнулся бывший полковник.– Новая власть и шурави не жалеют наши семьи. Ни жён, ни детей...

Раджиб ничего не ответил. Башимкар принял его молчание за согласие и безапелляционно произнёс:

–Караван пойдёт через три дня. Послезавтра ты отправишь в рейд пятнадцать надёжных бойцов и выпишешь им маршрут патрулирования в сторону Лагата. Пусть сначала поднимутся в горы – мои люди их там встретят и всё объяснят.

–А если бойцы не согласятся или донесут на меня?

–У них точно такой же выбор как у тебя. Ты растолкуй своим солдатам, что быть богатым и живым гораздо лучше, чем нищим и мёртвым. И доллары – лучший аргумент в пользу нашего сотрудничества,– с этими словами полковник протянул капитану свёрнутые в трубочку зелёные купюры.– А на обратном пути наши караванчики купят у вас мак и коноплю.

Раджиб, понутив голову, забрал гонорар и, не попрощавшись, вышел из развалин караван-сарая.

–И не делай глупостей. Помни о своей семье!– крикнул ему вслед Башимкар.

Капитан и не собирался делать никаких новых глупостей. Свою главную глупость он совершил тогда, когда согласился возглавить местный Царандой. Служить новой власти было выгодно в крупных городах, находясь под надёжной защитой советских солдат, танков и вертушек. А в родном кишлаке Раджиб оказался между молотом и наковальней. Если он не станет проводить караваны, то его в ближайшее время убьют местные душманы, а если станет, то рано или поздно его убьют шурави. И как объяснить предполагаемую измену своим подчинённым? Капитан машинально закинул под язык пастилку чарза (*сублимированный гашиш*), но облегчения от этого не наступило и тягостные мысли не улетучились.

На следующий день он собрал в спортивном зале полтора десятка своих самых проверенных бойцов – выходцев из Фарума – и честно рассказал им о своей встрече с Башимкаром. К удивлению Раджиба ультимативное предложение душманов было принято едва ли не на ура. Никто из подавшихся в Царандой дехкан умирать не хотел, а заработать американскую валюту желали все. Через день, как и было оговорено, пятнадцать бойцов вышли на встречу с караванщиками и довели их до оговорённого кишлака. А на обратном пути тот же караван забрал подготовленные Раджибом мак и коноплю, и обоюдовыгодный бизнес был поставлен на поток. У капитана отлегло от сердца. Отводя от себя подозрения в измене, его отряд несколько в год со стрельбой и взрывами, чтобы было слышно на советском блок-посту, захватывал подставные караваны с отслужившим своё китайским оружейным хламом. Иногда Раджиб имитировал мнимые перестрелки с бандитами Башимкара. Но тот, чтобы не спалить прорубленное в горах надёжное окно, сам никогда не нападал ни расположенный в ущелье советский блок-пост, ни на Фарумский Царандой, а уходил в боевые рейды далеко в долину в сторону Кандагара. Официальная кабульская власть считала Фарум мирным и лояльным кишлаком, однако советская контрразведка сильно сомневалась в этой лояльности и воспринимала Фарум, как чёрную дыру, в которой творится неизвестно что. И только на пятый год Гражданской войны с внедрением в кишлак Осокина ситуация прояснилась. Тотальная замена местного Царандоя

ничего не давала – новых бойцов могли также элементарно запугать или подкупить. А появление нового агента под псевдонимом Буратино позволяло помечать проходящие караваны радиомаячками.

В отличие от северных хребтов горы в районе Тоба-Какарского ущелья были невысокими и пологими, что позволяло караванам в любую погоду переходить их практически в любом месте, не пользуясь найденными тропами. Но это окно было всего около двадцати километров в ширину, и риск нарваться на советский спецназ был достаточно велик. С появлением проводников из Фарумского Царандоя опасность значительно уменьшилась, и караваны, ходившие раньше один-два раза в месяц пошли каждую неделю. Бойцы капитана Раджиба сопровождали своих подопечных до предгорий на расстоянии трёх дневных переходов, а оттуда караваны уже с новыми проводниками, – как правило, местными пастухами – расходились во все стороны: на юг в Гильменд, на запад в Герат и на север в сторону Кабула. Несколько лет схема работала как часы, а потом дала сбой. Почти добравшиеся до своих целей и расположившиеся на скрытную днёвку караваны сначала неожиданно расстреливали советские вертушки, а потом добивали высадившиеся из них десантники. До точек назначения не доходил едва ли не каждый второй груз, отправленный через Тоба-Какар. Было ясно, что среди проводников завёлся крот, но кто он и как передаёт информацию шурави? Все караваны уничтожались в одном-двух переходах от своей конечной цели – скрытной горной базы или хорошо укрепленного мятежного кишлака. За это время менялось несколько групп проводников, и вычислить, кто из них был предателем, было невозможно. Душманы на всякий случай для острастки расстреляли нескольких заподозренных в измене пастухов, но это не помогло. Караваны продолжали попадать в засады. Бойцы Раджиба находились в самом начале цепочки и были вне подозрений потому, что никогда не знали, куда конкретно направляется караван.

Незаметно подкинуть в сумку с боеприпасами рожок с патронами-маячками оказалось несложно, но в первый раз у Халида от волнения так дрожали руки, что он едва сумел засунуть его в перемётную сумку с новенькими китайскими автоматами. Потом молодой человек две недели с ужасом ожидал неминуемого возмездия за своё предательство, но когда капитан Раджиб вновь назначил его в проводники, с облегчением понял, что всё обошлось. А получив от Осокина две зелёные купюры с портретом Бенджамина Франклина – одну за первый уничтоженный караван, а другую в счёт аванса – и вовсе поверил в свою счастливую звезду. Вырученные деньги Халид ни на что не тратил, а аккуратно складывал в жестяную коробочку, которую прятал в родительском курятнике. Осокин обещал после войны забрать его с собой далёкую северную страну, в которой можно было, не таясь соотечественников пить советскую виноградную колу и сколько угодно смотреть на женщин с открытыми лицами и голыми ногами. Деньги должны были пойти на обустройство новой жизни на новом месте. После женитьбы Халид в медпункте дежурил нечасто – один-два раза в месяц и исключительно в дневное время. Заступив на смену, он получал от Осокина деньги и новые меченые рожки, выпивал стаканчик шампанского, выкуривал косяк конопли и до вечера дремал под навесом. Несмотря на перенесённые неприятности, кружащее голову игристое вино ему нравилось, а вот на Полухину Халид смотреть больше не мог. Женившись и начав регулярную половую жизнь, он понял, что его развели как несмышлёного ребёнка. Сильная и здоровая медсестра, даже согласившись на секс с нетрезвым и обкуренным Халидом, не позволила бы нанести себе какие-либо серьёзные травмы. Вероятно, у неё в это время были месячные, либо она перепачкала себя кровью заранее набранной из вены. Но как бы то ни было, дорога назад была окончательно отрезана. Откровенные фотографии, медицинский акт о совершённом насилии и соглашение о сотрудничестве навсегда связали Халида с коварными шурави.

Полухиной тоже было неудобно за свой поступок, и она старалась лишний раз не сталкиваться с ошельмованным ею Халидом. Когда молодой человек заступал на дежурство, медсестра уходила в свою комнату и весь день проводила там. Ей было уже тридцать, Осокину

– двадцать девять, и их изначально легковесное увлечение друг другом очень быстро переросло в крепкую связь. Через год они вместе уехали в отпуск в Москву и там официально расписались. А ещё через полгода у них родилась дочь, и Полухина, навсегда покинув Афганистан, вернулась в Советский Союз. Осокин же служил до самого конца. Накануне нового одна тысяча девятьсот восемьдесят девятого года советские солдаты покинули Тоба-Какарское ущелье и передали свой блок-пост Фарумскому Царандюю. Но изменникам не было суждено встретить Новый год на новом месте. Уже на следующую ночь советский спецназ, переодетый в пуштунские одежды, снял беспечно дремавшего единственного часового и под видом душманов Башимкара с криками “Аллах Акбар!” перебил весь состав двуличного Царандюю. Правда, среди погибших бойцов не оказалось старшего сержанта Халида Казара. Осокин сдержал своё слово, и настоял на том, чтобы агента по прозвищу Буратино вместе с женой и двумя детьми вывезли в Советский Союз.

Глава 6. Андрей Осокин, Иршикам.

За успешное выполнение сверхважной разведоперации, Осокин получил орден Боевого Красного Знамени, звание майора и долгосрочный отпуск, который провёл вместе с женой и дочкой в путешествии по Черноморскому побережью. Начав своё путешествие в апрельской Одессе, они, передвигаясь на катерах и теплоходах из порта в порт, окончили его в октябрьском Батуме. Это было самое счастливое время в жизни их семьи. А уже с ноября и Осокин, и Полухина и даже их трёхлетняя дочь стали готовиться к новому заданию.

С выводом Советских войск из Афганистана, Гражданская война не закончилась. Наоборот, она переметнулась на южные окраины Средней Азии – в Узбекистан и Таджикистан. Посланники моджахедов, преодолев Памирские горы, проповедовали в мечетях и молельных домах радикальный ислам и призывали к свержению власти проклятых кафи́ров. И если в крупных городах органы госбезопасности кое-как боролись с пришлыми и собственными джихадистами, то в провинции, а особенно в отдалённых горных районах, они чувствовали себя вполне вольготно.

Одним из таких неблагонадёжных районов было Иршикамское плато в Горном Бадахшане, издавна заселённое таджиками-ашмаилитами. Ашмаилизм – это одно течений в Исламе, адепты которого поклоняются непризнанному Назиратскому имаму Ашмаилу, якобы не умершему, а перешедшему по воле Аллаха в невидимое для простых смертных состояние “гаиб” – отсутствие. Гонимые как суннитами, так и шиитами ашмаилиты компактно поселялись в труднодоступных районах Памира, Гиндукуша, Тянь-Шаня и Гималаев. Но в какой бы стране они не проживали – в Пакистане, Афганистане, Советском Союзе, Китае или Индии – своим верховным правителем эти вечные изгнанники считали не местную власть, а своего духовного лидера – очередного Назиратского имама. В нагорье Иршикам бежавшие от монгольских завоевателей ашмаилиты появились ещё в XIII веке. Заложив своё поселение на берегу одноимённой реки, они принялись обживать этот суровый и неприветливый край. Прохладное засушливое лето и скудная каменистая почва не способствовали земледелию, а холодная снежная зима – скотоводству. Единственными крупными животными, способными выжить в таких неблагоприятных условиях были яки, дававшие шерсть, мясо и молоко. Зато окрестные горы оказались богаты природными ископаемыми: полиметаллическими рудами, драгоценными и поделочными камнями, серебром и даже золотом. Трудолюбивые ашмаилиты усердно плавил медь, свинец и олово, добывали чистейший лазурит, изумруды и рубины, а в верховьях реки Иршикам намывали золотой песок и самородки. Единственным недостатком их жизни было то, что когда-то привлекло их в эти края – оторванность от внешнего мира. Единственная Восточная дорога, связывавшая нагорье с долиной с ноября по апрель была непроходима из-за снежных заносов, а Южный перевал, ведущий в Афганистан и Пакистан, и вовсе был доступен только в летние месяцы. Такая изоляция способствовала развитию ремёсел. Всю зиму местные жители пряли шерсть, выделывали кошмы, изготавливали медную и оловянную посуду, так же

ювелирные украшения. Летом они продавали свои изделия на базарах в Худжанте и других равнинных городах и кишлаках, а на вырученные деньги закупали недостающее продовольствие, чтобы пережить очередную суровую зиму. Такая однообразно-размеренная, но в общем-то безбедная жизнь продолжалась до середины девятнадцатого века, когда истощились казавшиеся бесконечными природные ресурсы окрестных гор. К тому времени небольшой посёлок на берегу реки Иршикам превратился в одноимённый город, а по краям нагорья появилось множество больших и малых кишлаков. Дававшие работу и приносившие стабильный доход рудники, копи, шахты и горные выработки опустели, а местная земля не могла прокормить многократно возросшее население. Чтобы выжить, надо было искать какой-то новый заработок на стороне. И ашмаилиты подались в батраки. Теперь весной вместо того, чтобы торговать на базарах они спускались в долину, чтобы наняться сезонными работниками к зажиточным дехканам. Отбатрачив полгода на хлопковых и рисовых плантациях, они, закупившись мукой и крупами, возвращались на зимовку на своё нагорье.

Вне зависимости от того кому официально принадлежал Горный Бадахшан – монголам, Шейбанидам, Аштарханидам или Дурранийской империи – Иршикамские ашмаилиты своими правителями считали потомков Назиратского имама и назначаемого ими наместника, которому добровольно платили регулярную дань. В конце девятнадцатого века политическая независимость оторванных от внешнего мира ашмаилитов закончилась. Согласно русско-английскому договору Бадахшан был разделён на две части: одна отошла к Афганистану, а другая к вассальной от России Бухаре. Иршикамское нагорье формально стало частью Бухарского эмирата. А в начале двадцатого века все западнопамирские территории “добровольно” вошли в состав Российской империи и были выделены в особый административный округ, непосредственно подчинявшийся начальнику Памирского отряда. В Иршикам вошли русские войска. На южном краю нагорья у перевала, ведущего в Афганистан, был разбит военный городок, а комендантом Иршикамского района был назначен майор Рогачёв. На окраине города возвели православную церковь, открыли постоялый двор, казённый магазин, почту, больницу и школу, в которой преподавали русский язык и арифметику. Местные жители называли это компактное поселение “Руси кишлак”.

Летом одна тысяча девятьсот шестнадцатого года в равнинном Таджикистане вспыхнуло восстание против мобилизации мужчин на тыловые работы в прифронтовой полосе. Повстанцы громили здания местных администраций, жгли списки призывников, убивали русских чиновников и крестьян-переселенцев вместе с их семьями. Не остались в стороне от мятежа и Иршикамские ашмаилиты. Их вождь – наместник Низаритского имама Рахим-Ходжа на пятничной проповеди публично обвинил Российскую империю в обнищании и угнетении своих подданных. В ту же ночь не желающие отбывать трудовую повинность местные мужчины, вооружившись саблями, кинжалами и старыми кремнёвыми ружьями напали на “Руси кишлак”. Они сожгли все постройки и вырезали всех обитателей, не сумевших убежать в военный городок. Там, из-за идущей уже третий год войны, вместо положенного батальона находилась всего одна рота солдат. Но и этого вполне хватило для усмирения мятежа. Несколько ружейных залпов обратили напавших на городок повстанцев в повальное бегство. Самые активные мятежники во главе с Рахим-Ходжей укрылись в окрестных горах, некоторые убежали в долину, а остальные сдались на милость победителей. Разъярённые их жестокостью солдаты убили нескольких пленников на месте, а остальных заперли в гарнизонной гауптвахте. Осенью после окончательного подавления мятежа военно-полевой суд приговорил два десятка иршикамских бунтовщиков к повешению, а остальных отправили на принудительные тыловые работы, которых они так хотели избежать. Церковь, почту, больницу и школу отстроили заново, но ни врачей, ни учителей, ни других служащих, желающих там работать, найти не удалось. В церковь прислали выпускника-семинариста с молодой женой, которые из соображений безопасности поселились в военном городке вместе со своей вооружённой паствой.

А весной следующего одна тысяча девятьсот семнадцатого года в Туркестанском военном округе наступил революционный разброд. Когда растаял снег, и открылась дорога в долину, Иршикамский гарнизон получил своё жалование не аккуратными стопками царских пятёрок и десяток, а холщовыми мешками похожих на почтовые марки керенок. А продуктивное довольствие и вовсе не доехало, затерявшись где-то в дороге. Летом, доев остатки прошлогодних припасов, оголодавшие солдаты вместе с майором Рогачёвым покинули военный городок и ушли в долину, а с гор вместе со своим небольшим отрядом спустился мятежный Рахим-Ходжа. К этому времени мужчин в Иршикаме почти не осталось: одни погибли во время восстания; другие, боясь наказания, сбежали в долину; а третьи были мобилизованы на трудовую повинность и затерялись где-то в бескрайней России. Весной почти никто не отправился батрачить в долину, и пред жителями нагорья нависла угроза невиданного доселе голода. В надежде исправить это бедственное положение Рахим-Ходжа со своими нукерами перешёл Южный перевал и через Афганистан направился в Британский Индостан к своему сюзерену Назиратскому имаму Али-Хану Второму. Иршикамские ашмаилиты столетиями исправно выплачивали своим духовным лидерам положенную десятину от своих доходов и теперь надеялись на помощь с их стороны. Али-Хан вошёл в бедственное положение своих подданных и закупил для них необходимое количество муки, крупы и бобов. А ещё он вооружил отряд Рахим-Ходжи новыми английскими винтовками и станковыми пулемётами. Вернувшись в Иршикам, бойцы установили пулемёты у ведущей в долину Восточной дороги, чтобы не допустить возможного возвращения царских солдат.

Но царские солдаты в Иршикам больше не вернулись. Вместо них следующей весной, когда на единственной дороге растаяли непроходимые снежные заносы, из Худжандской долины на плоскогорье поднялись посланцы Бухарского эмира, получившего от новой Советской власти декрет о независимости. Наглые и высокомерные эмиссары ультимативно заявили, что отныне Иршикам входит в состав нового эмирата, а ашмаилиты обязаны платить церковную десятину не своему Назиратскому имаму, а священному правителю Бухары. Рахим-Ходжа так же безапелляционно ответил, что не признаёт эту новую власть и создаёт в Иршикаме независимый ашмаилитский имамат. Посланцы эмира вернулись восвояси, не солоно хлебавши, но обещали скоро вернуться. И действительно через две недели на Восточной дороге появились бухарские солдаты. К тому времени бойцы Рахим-Ходжи основательно укрепили свои огневые точки, расположенные над горной дорогой и буквально в упор расстреляли незваных гостей из английских пулемётов. С этого момента дорога в долину для мятежных ашмаилитов была отрезана. Оттуда иногда поднимались вернувшиеся из России мужчины, но жители нагорья больше не рисковали спускаться вниз.

Рахим-Ходжа снова отправился в Пешавар на поклон к Али-Хану с просьбой официально возглавить новообразованный имамат. Тот внимательно выслушал своего наместника, пообещал всестороннюю протекцию, но официально руководить мятежным государством отказался и оставил все управленческие функции за своим назначенцем. На этот раз Рахим-Ходжа вернулся не только с караваном продовольствия и боеприпасов, но и с новыми людьми: двумя учителями, врачом, военным инструктором и тремя английскими горными инженерами. Учителя обосновались в заново отстроенной бывшей русской школе, врач в больнице, инструктор в военном городке, а инженеры, привезшие с собой целый караван всевозможных инструментов, отправились напрямиком к горе Шайтан Хо.

Шайтан Хо – Чёртова Гора – пользовалась у местных жителей дурной славой. Считалось, что там обитали иблисы – злые духи, охранявшие свои несметные подземные сокровища. Многие пытались до них добраться, но ни у кого не получалось. Подножие и склоны Шайтан Хо были буквально изрыты брошенными горными выработками. Там действительно встречались золотые самородки, драгоценные и поделочные камни, но больше всего на горе было заколдованного олова. При попытке выплавить его из руды, металл превращался в чёр-

ную шлаковую пену, издававшую едва уловимый кисловатый запах. Человек, надышавшийся этими испарениями никогда больше не возвращался на Шайтан Хо.. Разгневанные непрошеным вторжением иблисы насылали на него своё смертельное проклятие. Незадачливый горнодобытчик катастрофически слабел, тяготился затыжными головными болями, постоянной тошнотой, кашлем и насморком, у него выпадали волосы, а на теле появлялась непреходящая зудящая сыпь. В результате через год-два он тихо угасал, превратившись в иссохшую мумию. Тоже самое происходило с людьми, не плавившими олово, а просто кайлившими глубокие шурфы в поисках золота и драгоценных камней. Но многочисленные печальные примеры не останавливали новых безрассудных искателей скрытых сокровищ, надеявшихся, что с ними ничего не произойдёт. И, действительно, с человеком ничего не происходило, если он проводил на Шайтан Хо несколько недель и не врубался кайлом в её склоны. Но просто так найти что-нибудь ценное было практически невозможно, а если удачливый горняк и наткнулся на лежащий на поверхности рубин, изумруд или золотой самородок, то уже не мог никуда уйти. Наплевав на голос разума, он день за днём вгрызался в горную породу, вдыхая невидимые подземные испарения. Горячая жажда быстрого обогащения затмевала признаки надвигающейся болезни, и человек обращал внимание на своё самочувствие, только вернувшись с наступлением зимы в свой дом. Проклятие горных духов было неизлечимо – с ним не мог справиться даже почти всемогущие русские доктора.

Англичане провели на Шайтан Хо не больше двух недель, а потом, бросив на склонах свои инструменты и амуницию, едва успев до закрытия Южного перевала, вернулись восвояси. Вместо брошенной в горах экипировки они увезли с собой несколько тяжелых ящиков, набитых неизвестно чем. Местные жители предположили, что у инженеров был с собой какой-то хитроумный прибор, позволявший видеть сквозь пустую породу золото и драгоценные камни. И что их ящики были набиты сокровищами, которые англичане всё же сумели отнять у злобных иблисов. Вспомнили и о том, что несколько лет назад при белом царе русские инженеры провели целое лето в окрестных горах в поисках полезных ископаемых, но вроде бы ничего интересного не обнаружили. Ашмаилиты посудачили об этом несколько зимних месяцев, да и забыли. С приходом весны пришли и новые заботы. Продовольствие, присланное Али-Ханом заканчивалось, и его надо было снова где-то добывать.

Обращаться в третий раз за помощью к своему духовному лидеру было неприлично, а идти батрачить в долину – смертельно опасно. Вряд ли Бухарский эмир простил самопровозглашённому имамату поражение и гибель своих воинов. Рахим-Ходжа видел только один выход из сложившейся ситуации – забрать необходимую провизию силой. Всё лето местные мужчины под руководством присланного Али-Ханом инструктора обучались военному делу, а осенью спустились со своего плоскогорья и совершили дерзкий налёт на долину. Новенькие английские винтовки были самым весомым аргументом в споре о том, кому принадлежит собранный дехканами урожай. Обчистив ближайшие кишлаки не хуже советских продотрядов, ашмаилиты с караваном гружёных богатой добычей ишаков вернулись в Иршикам. Присланный для их поимки и наказания отряд бухарских солдат, зная об установленных над дорогой пулемётах, подниматься на нагорье не стал, а в свою очередь обустроил в начале дороги пару таких же пулемётных гнёзд, чтобы мятежные горцы не могли больше беспрепятственно спускаться в долину. На следующий год ашмаилиты, используя горные козьи тропы и построив несколько оврингов (*навесные балконы на отвесных скалах*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.